

БЕРНГАРД ВЕРБЕР

последний секрет

Любовь – это победа
воображения над умом.

Бернар Вербер
Последний секрет
Серия «Бесконечная
Вселенная Бернара Вербера»
Серия «Учёные-авантюристы», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41927516
Бернар Вербер. Последний секрет: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-100066-0

Аннотация

Решающая шахматная партия за звание чемпиона мира. Человек против компьютера. И... человек побеждает! Вот только вдруг чемпион неожиданно умирает. Его смерть полна загадок. Полиция бездействует. Тогда журналистам приходится начать свое расследование. И они уж точно не подозревают, к каким страшным тайнам приведет их поиск.

Содержание

Акт 1

7

Конец ознакомительного фрагмента.

121

Бернар Вербер

Последний секрет

Bernard Werber

L'ULTIME SECRET

Copyright © Editions Albin Michel – Paris 2001

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Какие тайны скрывает человеческое сознание? Второй роман цикла «Авантюристы науки» в новом переводе.

Расследование загадочного убийства чемпиона мира по шахматам приводит журналистов к неожиданным открыти-

ям. Оказывается, можно умереть от удовольствия. Почему ученые это скрывают? Может, человечество не готово к такой информации?

«Из-за этой книги у меня буквально ухудшился сон, это произошло просто потому, что мне было о чем подумать, прежде чем уснуть».

Livelib.ru

«Книги Вербера не только захватывающие, но еще и очень поучительные, читая их, приобретаешь знания».

Labirint.ru

«Вербер стал моим любимым писателем. Его книги заставили меня о многом задуматься».

Fantlab.ru

Ришару

Мы используем только 10 % наших умственных

возможностей.

Альберт Эйнштейн

*Проблема мозга в том, что единственный
инструмент,*

*позволяющий изучать его и улучшить его
работу, —*

это сам мозг.

Эдмонд Уэллс,

Энциклопедия относительного и абсолютного знания

*Большая часть великих открытий совершается
по ошибке.*

Закон Мерфи

Акт 1

Властелин безумцев

1

Что побуждает нас действовать?

2

Он осторожно делает ход ферзем.

Мужчина в роговых очках сражается за титул чемпиона мира по шахматам с компьютером Deep Blue IV в просторном, обитом бархатом зале Дворца фестивалей в Каннах. У него дрожит рука. Он судорожно лезет в карман. Хотел бросить курить, но слишком велико напряжение.

Ничего не поделаешь.

Сигарета уже в зубах. Приятный дым подслащенного табака обволакивает горло, валит из ноздрей, пропитывает бархат штор и красных кресел, плывет красновато-золотистым облаком по залу, образуя колечки, закручиваясь в замысловатые фигуры и постепенно растворяясь в воздухе.

Соперник – компьютер, внушительный стальной куб в метр высотой – булькает в глубокой задумчивости. Из его

вентиляционной решетки тянет озоном и разогретой медью.

Человек бледен и обессилен.

«Я должен выиграть», — думает он.

Телевизионные камеры напрямую транслируют на нескольких огромных экранах его изможденную физиономию и лихорадочный взгляд.

Причудливая картина — роскошный зал, где замерли с разинутыми ртами примерно тысяча двести зрителей, не спускающих взор с человека, который ничего не говорит и даже не шевелится. Человек размышляет.

Слева на сцене стоит карминовое кресло, в нем сидит шахматист в костюме.

Посередине столик с шахматной доской и бакелитовые часы с двумя циферблатами.

Справа металлическая рука, соединенная кабелем с пузатым серебристым кубом, на котором выведено готическими буквами DEEP BLUE IV. Компьютер видит доску с фигурами благодаря маленькой камере на треноге. Тишину нарушает только сухое тиканье часов: тик-так, тик-так.

Противостояние длится уже неделю. Сегодняшняя игра тянется шесть часов. Никто не знает, день снаружи или ночь. Внезапно раздается неуместное жужжание. В зал проникла муха.

Не отвлекаться.

Человек и машина играют на равных. Ничья, 3:3. Победитель этой партии выигрывает весь матч. Человек утирает пот со

лба и расплющивает в пепельнице окурок.

Напротив него движется суставчатая рука. Механическая пятерня делает ход конем.

На экране Deer Blue IV надпись: «Шах».

В зале ропот.

Железный палец нажимает на кнопку часов. Они отсчитывают секунды, напоминая человеку в роговых очках, что время уходит.

Компьютер быстрее соображает, у него фора, и немалая.

Муха носится по залу как угорелая. Пользуясь высотой потолка, она выполняет головокружительные пируэты, неумолимо приближаясь к шахматной доске.

Человек слышит муху.

Сосредоточиться. Главное – сосредоточенность.

Муха возвращается.

Человек старается не отвлекаться.

Все внимание доске.

Шахматные фигуры. Человеческий глаз. За ним оптический нерв. Зрительная зона в затылочной доле. Кора головного мозга.

В сером веществе шахматиста надывается сигнал боевой тревоги. Миллионы нейронов заняты делом. По всей их длине искрят крохотные электрические разряды, возбуждая кончики нейромедиаторов. Это рождает быстрые, напряженные мысли. Они несутся галопом, как сотни обезумевших мышей в амбаре, по лабиринту его мозга. Сравнение поло-

жения на доске с прошлыми партиями, выигранными и проигранными. Перебор возможных ходов. Вероятные ответы соперника.

Кора. Спинной мозг. Нерв, управляющий мышцей пальца. Деревянная доска.

Человек, играющий белыми, переставляет короля. Король временно спасен.

Deer Blue IV сжимает зрачок диафрагмы в своей камере. «Функция анализа. Пуск. Вычисление».

Доска с фигурами. Объектив видеокамеры компьютера. За ним – оптический кабель. Материнская плата. Центральный чип.

Компьютерный чип внутри – это город-спрут с микроскопическими медными, золотыми, серебряными магистралями, прорезающими кремниевые здания. Во все стороны бегут, как спешащие автомобили, электрические разряды.

Машина ищет кратчайший путь к победе. Сравнивает положение на доске с миллионами завершений шахматных партий, заложенных в ее память.

Проверив и оценив все возможные ходы, Deer Blue IV делает выбор. Механическая рука берет черную ладью и закрывает белому королю последнюю лазейку для бегства.

Ответ за человеком.

Тик-так.

На часах приподнимается флажок.

Скорее! Глупо было бы проиграть по времени.

Наглая муха садится прямо на доску.

«Тик-так, тик-так...» – отсчитывают часы.

«Жжжжж...» – коварно жужжит муха, усиленно протирая передними лапками глаза.

Ход не до конца продуман, но рука из плоти зависает над королем; в последний момент человек одумывается и поступает по-другому.

Белый слон!

Человек молниеносно хватается фигуру и обрушивает ее на муху, замешкавшуюся на белой клетке. Палец жмет на кнопку и запускает отсчет времени у соперника. До падения флажка оставалось несколько секунд. Тишина в зале становится свинцовой.

Два желудочка человеческого сердца бьются неровно. Легкие, как в замедленном кино, отправляют шар воздуха к голосовым связкам. Рот открывается.

Время останавливается.

– Шах и мат, – произносит шахматист.

Шум в зале.

Компьютер проверяет, действительно ли не осталось выхода, потом стальная рука аккуратно берет своего короля и кладет его набок в знак признания поражения.

Зал каннского Дворца фестивалей взрывается овацией. Долго не смолкают бешеные аплодисменты.

Сэмюэл Финчер одержал победу над компьютером Deep Blue IV, прежним обладателем титула чемпиона мира по

шахматам!

Человек опускает веки, стараясь успокоиться.

3

Я выиграл!

4

Снова открыв глаза, Сэмюэл Финчер обнаруживает перед собой два десятка журналистов. Отталкивая друг друга, они суют ему под нос микрофоны и диктофоны.

– Доктор Финчер, доктор Финчер! Пожалуйста!

Организатор матча жестами возвращает их на место и объявляет, что Финчер сделает заявление.

Группа инженеров выключает Deer Blue IV, который, помигав светодиодами, перестает урчать и подавать признаки жизни.

Шахматист поднимается на помост справа от стола, где находится пюпитр.

Аплодисменты звучат с удвоенной силой.

– Благодарю, благодарю, – произносит Сэмюэл Финчер и поднимает руки, чтобы успокоить зал.

Но его просьба вызывает противоположный эффект: радостный шум нарастает, первая волна хаотических аплодис-

ментов сменяется дружной мерной овацией в два такта.

Шахматист ждет, вытирая лоб белым платком.

– Спасибо.

Наконец, шум стихает.

– Если бы вы знали, как я счастлив одержать победу в этом матче! Боже, если бы вы только знали! Моя... Своей победой я обязан тайной пружине...

Зал обращается в слух.

– Теоретически компьютер всегда сильнее человека, потому что у машины нет души. После победного хода компьютер не испытывает ни радости, ни гордости, проиграв, не ведает ни депрессии, ни разочарования. Механизм – это не личность. Ему незнакомо яростное стремление к победе, он не испытывает сомнений в себе, не имеет ничего личного к сопернику. Компьютер всегда сосредоточен, всегда максимально использует свои возможности, не переживая из-за неудачных ходов. Поэтому шахматные компьютеры систематически обыгрывают живых игроков... по крайней мере, обыгрывали до сегодняшнего дня.

Доктор Фишер улыбается, как будто смущается озвучить столь банальную истину.

– Компьютеру незнакомы колебания настроения, но... стимулов он тоже лишен. Deep Blue IV знал, что выигрыш не принесет ему добавочного электропитания, дополнительной памяти.

В зале раздаются смешки.

– Он не боялся, что в случае поражения его выключат. Тогда как я... я был сильно мотивирован! Я хотел отомстить за проигрыш чемпиона Леонида Каминского здесь же год назад, когда он уступил машине Deer Blue III, за неудачу Гарри Каспарова, уступившего в 1997 году в Нью-Йорке первому варианту машины, Deeper Blue. Я считаю эти проигрыши позором не только для самих игроков, но и для всего человечества.

Сэмюэл Финчер вытирает платком очки, снова водружает их на нос и пристально смотрит в зал.

– Мне было страшно оказаться новым подтверждением того, что мы, люди, обречены всегда проигрывать в шахматы машинам. Но когда человек вдохновлен, он преодолевает все преграды. Мотивация помогла Одиссею пересечь Средиземное море и избежать тысячи ловушек. Мотивированный Христофор Колумб переплыл Атлантический океан. Мотивированный Армстронг не убоился пустоты космоса и ступил на Луну. Человечество окажется обречено на вырождение в тот день, когда у людей иссякнет желание превзойти самих себя. Все вы, слушающие меня, задайте себе вопрос: «Что, собственно, дает мне сил вставать с утра и чем-нибудь заниматься? Откуда у меня желание предпринимать усилия? Что побуждает меня действовать?»

Доктор Сэмюэл Финчер обводит зал усталым взглядом.

– Какова ваша главная мотивация в жизни – вот, быть может, наиглавнейший вопрос.

Он опускает глаза, словно прося прощения за столь немилосердную откровенность.

— Благодарю за внимание.

Он спускается с эстрады и идет сквозь почтительно расступающуюся перед ним толпу к своей невесте Наташе Андерсен.

Помахав на прощанье публике, пара садится в черный спортивный автомобиль и уносится прочь в облаке пыли, приобретающей из-за вспышек репортерских камер стробоскопический эффект.

5

Тем же вечером доктора Сэмюэла Финчера находят на его вилле на мысе Антиб мертвым. О новости сообщают в полуночном выпуске теленовостей. Камера демонстрирует обстановку на месте происшествия под комментарий журналиста:

— Трагедия произошла через несколько часов после победы на чемпионате мира по шахматам.

Камера показывает роскошную прихожую, потом гостиную.

— ...это дело тем более загадочно, что следователи не находят никаких следов взлома...

Камера задерживается на предметах в комнате, на мебели, на произведениях искусства. На стенах картины Дали, вдоль стен скульптурные бюсты древнегреческих философов.

– На теле пострадавшего нет ни одного ранения.

Открывается дверь ванной, появляется Наташа Андерсен в окружении двух полицейских. Она старательно прячет от камеры лицо. Даже без косметики, в столь страшные мгновения, она чудо как хороша.

В кадре мужчина в зеленом костюме, раздающий приказания полицейским, которыми кишит вилла. Журналист обращается к нему:

– Комиссар, вы можете сказать, что произошло?

– Менее часа назад нам сообщили о кончине.

– Кто звонил в полицию?

– Мадемуазель Андерсен.

– Что стало причиной смерти?

– Мадемуазель Андерсен.

– Вы шутите?!

– По ее утверждению, она его убила... во время любовного акта. – Комиссар отмахивается. – Ведется следствие. Мы сможем сообщить больше, когда будут готовы результаты судебно-медицинской экспертизы. Буду признателен, если вы меня пропустите...

Журналист коротко рассказывает историю жизни доктора Сэмюэла Финчера:

– Нейропсихиатр, диплом медицинского университета Ниццы, быстрое восхождение по больничной иерархической лестнице... В сорок два года его назначили главным врачом больницы Святой Маргариты на одном из Леринских

островов. Он расширил больничные корпуса, внедрил новые правила психиатрии, вызвав яростное сопротивление коллег, особенно парижских.

В отличие от большинства лучших шахматистов, начинавших играть с раннего детства, он поздно сел к доске, но всего за год стал кандидатом в мастера, а вскоре и мастером спорта. Три месяца назад Сэмюэл Финчер обыграл чемпиона Леонида Каминского. Прошли считанные часы после победы над компьютером Deep Blue IV, вернувшей людям столь ценный титул чемпиона мира по шахматам...

На экране кадры последней партии и отрывки из выступления победителя.

Затем журналист рассказывает о карьере Наташи Андерсен, датской топ-модели: после двух скандальных замужеств – сначала с теннисистом, потом с актером – она стала невестой нейропсихиатра и сверходаренного шахматиста.

Заканчивает журналист фразой, звучащей продуманно и отрепетированно:

– Возможно ли, чтобы обладательница титула «красивейшие в мире ножки» погубила «лучший в мире мозг»? Если эта странная версия подтвердится, то можно будет говорить о небывалой «смерти от любви».

Камера торопится за носилками, которые несут вниз, к машине «Скорой помощи». Пользуясь суматохой, журналист приоткрывает край покрывала и демонстрирует камере лицо мертвеца.

Поспешное приближение, лицо заполняет экран.

Черты лица доктора Сэмюэла Финчера – идеальная картина абсолютного экстаза.

6

– ...«смерть от любви»...

954,6 км от места действия, звук и изображение принимаются параболической антенной. От нее на телевизор передается сигнал, который воспринимают уши и карие глаза. Палец жмет на кнопку «стоп» видеоманитофона. Ночной выпуск новостей сохранен на кассете.

Некоторое время обладатель пальца переваривает только что увиденное и услышанное. Потом одной рукой он хватается за старую записную книжку, другой телефонную трубку и в волнении набирает номер. Колеблется, обрывает связь, хватается за плащ и выбегает из дому.

Зарядил дождь, ночь пронизывающе холодна. Человек шагает на свет широкой улицы. Рядом тормозит машина с плафоном на крыше.

– Такси!

По лобовому стеклу шумно елозят дворники. Из огромной черной тучи летят вниз огромные, с шарик для пинг-понга, дождевые капли. Они не отскакивают от мостовой, а разбиваются об нее с тупым стуком.

Мужчина просит высадить его на Монмартре, у дома, по

которому хлещет мокрый ветер. Он проверяет адрес, бежит вверх по лестнице, минуя этаж за этажом, останавливается на площадке перед дверью. Из-за нее доносится звук, похожий на стук тяжелого мяча, и синкопированная музыка.

Он нажимает на звонок, рядом с которым надпись на табличке: «Лукреция Немрод». Музыка почти сразу стихает. Он слышит шаги, лязг отпираемых замков.

В щели появляется потное лицо молодой женщины.

– Исидор Каценберг?..

Она недоуменно таращит глаза. С его ботинок уже натекла целая лужа.

– Добрый вечер, Лукреция. Можно войти?

Она, не снимая цепочку, смотрит на гостя, словно не может поверить в такой поздний визит.

– Можно войти? – повторяет он.

– Что вы здесь делаете?

Вылитая мышка!

– Разве мы на «вы»? Кажется, в прошлый раз мы говорили друг другу «ты».

– С прошлого раза, как вы выражаетесь, минуло три года. С тех пор от вас не было ни слуху ни духу. Мы опять друг другу чужие. Отсюда обращение на «вы». С чем вы пришли?

– С предложением работы.

Она все еще сомневается, но в конце концов снимает с двери цепочку и приглашает позднего гостя в квартиру.

Она запирает дверь, он вешает на крючок мокрый плащ.

Исидор Каценберг с интересом разглядывает квартиру. Его всегда забавляло разнообразие интересов молодой научной журналистки. Стены завешаны афишами кинофильмов, по большей части американских и китайских триллеров. Посередине гостиной, рядом со столиком, заваленным женскими журналами, свисает с потолка подвесная боксерская груша.

Он опускается в кресло.

– Вы очень удивили меня своим появлением!

– У меня остались чудесные впечатления о нашем совместном расследовании происхождения человечества.

Лукреция качает головой:

– Понятно. Я тоже все помню.

В ее памяти мелькают эпизоды экспедиции в Танзанию, по следам первобытного человека. Она более внимательно разглядывает Исидора: метр девяносто пять, сто с лишним килограмм веса, неуклюжий великан. Хотя, кажется, немного постройневший.

Его что-то беспокоит, иначе он бы не заставил себя ехать сюда.

Он снимает тонкие позолоченные очки и тоже в нее вглядывается. Длинные рыжие волосы волнами, стянутые черной бархатной лентой, изумрудно-зеленые миндалевидные глаза, ямочки на щеках, острый подбородок. Мимолетная красота, излюбленный предмет вдохновения Леонардо да Винчи. На его вкус, она хорошенькая. Не красавица, но хорошенькая.

Наверное, это возраст. Три года прошло! Тогда ей было двадцать пять, теперь целых двадцать восемь.

Она изменилась. Из сорванца в юбке превратилась в девушку. Но до женщины ей еще далеко.

На ней китайский жакет с воротником, как у кителя; шея закрыта, плечи на виду. На спине вальяжно разлегся рыжий тигр.

– Что за работу вы предлагаете?

Исидор Каценберг что-то ищет глазами. Обнаружив видеомагнитофон, он встает, вставляет кассету, которую все это время не выпускал из рук, и нажимает на кнопку «пуск».

Они вместе смотрят репортаж о гибели Финчера из последнего выпуска новостей.

После конца записи на экране появляется дождь помех, напоминающий ненастье за окном.

– Вы потревожили меня в час ночи, чтобы развлечь на сон грядущий новостями?

– По-моему, «смерть от любви» – это нонсенс.

– Узнаю вас, дорогой Исидор! Вы по-прежнему неромантичны.

– Наоборот! Я утверждаю, что любовь не убивает, а спасает.

Девушка размышляет:

– Вообще-то это очень красивая смерть – «от любви». Хотелось бы и мне однажды погубить мужчину удовольствием. Безупречное преступление в хорошем смысле слова...

– По-моему, это не просто преступление, а самое настоящее убийство.

– Какая разница?

– Убивают преднамеренно.

Он громко чихает.

– Простудились? – участливо спрашивает она. – Это все дождь. Я напою вас бергамотовым чаем с медом.

Он трясет мокрой головой, забрызгивая все вокруг.

– Что наводит вас на подозрение, что это преднамеренное убийство?

– Доктор Сэмюэл Финчер – не первый погибший от любви. В 1899 году президента Французской Республики Феликса Фора нашли мертвым в доме терпимости. Болтают, что полицейские, явившись на вызов, спросили у мадам: «Все кончено?» – «Наши девушки не распространяются об интимных деталях», – последовал гордый ответ.

Лукреция даже не улыбается:

– Куда вы клоните?

– Полиция утаила истинную причину. В рапорте говорилось, что президент скончался от сердечного приступа. Правда выплыла наружу гораздо позже. То, что Феликс Фор пал жертвой своей похоти, помешало нормальному расследованию. Смерть в пароксизме страсти в публичном доме – разве это не смешно? Никому не хотелось расследовать это дело всерьез.

– Никому, кроме вас.

– Из чистого любопытства я, будучи студентом, выбрал этот эпизод темой курсовой работы. Я собрал документы, свидетельские показания. И раскопал мотив: Феликс Фор собирался развернуть антикоррупционную кампанию в святая святых – в собственной секретной службе.

Лукреция Немрод наливает две чашки ароматного чая.

– Если я не ошибаюсь, Наташа Андерсен уже созналась в убийстве.

При попытке сделать слишком большой глоток Исидор обжигает язык и вынужден дуть в чашку для остужения.

– Она ДУМАЕТ, что убила его.

Вспомнив о манерах, Исидор Каценберг просит ложечку и принимается остервенело болтать ею в чае, считая, что так его можно охладить.

– Увидите, теперь у нее не будет отбоя от кавалеров.

– Мазохизм? – предполагает Лукреция, без всякого затруднения попивая обжигающий напиток.

– Любопытство. Влечение к сочетанию Эроса, бога любви, и Танатоса, бога смерти. Восхищение архетипом самки богомола, символом жестокосердной женщины. Видели, как это насекомое в разгар любовного слияния убивает мужскую особь, отрывая ей голову? Завораживающая картина, напоминающая о чем-то глубоко в нас сидящем...

– Страх любви?

– Скорее любовь, ассоциируемая со смертью.

Она одним глотком допивает неостывший чай.

– Чего вы ждете от меня, Исидор?

– Хочется еще поработать в паре с вами. Мы бы расследовали убийство доктора Сэмюэла Финчера. По-моему, плодотворное направление – свойства мозга.

Лукреция Немрод садится по-турецки в глубине дивана и ставит на стол пустую чашку.

– Мозг?.. – переспрашивает она задумчиво.

– Да, мозг. Это ключ к разгадке. Разве жертва – не лучший в мире мозг в буквальном смысле слова? И вот еще что... Смотрите.

Он берет пульт, перематывает пленку и находит то место в речи чемпиона, где он говорит: «Своей победой я обязан тайной пружине...»

Исидор Каценберг тоже ставит свою чашку – она осталась почти полной – и нажимает на «паузу».

– Замечаете, как у него горят глаза, когда он произносит слова «мотивация» и «стимул»? Разве не удивительно? Может, он дает нам подсказку? Стимул... Можно, я задам этот вопрос вам, Лукреция: что мотивирует в жизни вас?

Она молчит.

– Вы мне поможете? – спрашивает он.

Она относит чашку гостя в раковину.

– Нет.

Она срывает с вешалки мокрую шляпу Исидора и мокрый плащ, возвращается к видеомэгнитофону и вынимает кассету.

– Я не верю, что это преднамеренное убийство. Несчастный случай, только и всего. Сердечный приступ, следствие перенапряжения и стресса на состязании. Что касается мозговых нарушений, то ими страдаете вы сами. У этого недуга есть название – мифомания. Не беда, это лечится. Достаточно перестать всюду видеть фантастику и смириться с реальностью. Ну, и под конец – спасибо, что навестили.

Он медленно встает, удивленный и разочарованный.

Внезапно она застывает, как в столбняке, с прижатой к щеке ладонью.

– Что-то случилось?

Вместо ответа она хватается за челюсть обеими руками.

– Скорее несите аспирин... – бормочет она.

Исидор бросается в ванную, шарит там в шкафчике с лекарствами, находит белый пузырек с таблетками, вытряхивает одну и несет в комнату вместе со стаканом воды. Она жадно глотает лекарство.

– Еще одну, скорее!

Он подчиняется. Постепенно под действием химии боль слабеет, реакция нерва и страшная головная боль проходят. Лукреция медленно приходит в себя. Она глубоко дышит:

– Брысь отсюда! Не понимаете, что ли? Позавчера мне вырвали зуб мудрости... Мне плохо, очень плохо, я хочу остаться одна. *(Терпеть не могу, когда меня видят слабой. Пусть он уйдет!)* Уходите! УБИРАЙТЕСЬ!

Исидор пятится.

– Одно хорошо, вы только что открыли первый стимул наших поступков: покончить с болью.

Она сердито захлопывает за гостем дверь.

7

Вторничная летучка в редакции еженедельника «Геттёр Модерн». Все журналисты собрались в современно оформленном зале заседаний. Им предстоит по очереди предлагать темы для предстоящих номеров. Кристиана Тенардьё, заведующая отделом «Общество», слушает предложения, сидя в большом кожаном кресле.

– Скорее, не тяните! – требует она, запуская пальцы в обесцвеченные волосы.

Движение начинается справа. Ответственный за рубрику «Образование» предлагает напечатать статью о неграмотности. За десять лет доля неграмотных выросла с 7 до 10 процентов, и эта цифра неуклонно увеличивается. Тема одобрена.

Для рубрики «Экология» журналистка Клотильда Планкаоэ предлагает статью о вреде антенн мобильных телефонов, излучающих опасные волны.

Тема отклонена. Один из акционеров еженедельника – поставщик сотового оборудования, вредить его интересам недопустимо.

Тема загрязнения рек удобрениями? Отклонено, слиш-

ком специфично. У журналистки иссякли темы, и она торопится выйти.

– Следующий! – небрежно бросает Кристиана Тенардые.

Фрэнк Готье предлагает для научной рубрики статью с разоблачением «шарлатанов от гомеопатии», как он их называет. Он добавляет, что намерен заодно свести счеты с мастерами иглотерапии. Тема одобрена.

– Как твои зубы мудрости, Лукреция? – спрашивает шепотом Фрэнк Готье коллегу по научной рубрике, сажающейся рядом с ним. – Полегчало?

– Я ходила в салон красоты, это помогает, – шепчет она в ответ.

Готье удивленно смотрит на нее:

– Какая связь?

Лукреция говорит себе, что мужчинам не понять женскую психологию. Она не опускается до объяснения, что посещение салона или покупка новых туфель – лучший способ для женщины укрепить силу духа и, следовательно, иммунную систему.

Подходит ее очередь.

Молодая журналистка подготовила несколько тем. Начинает она с коровьего бешенства.

– Старо.

– Как насчет ящура? Ради экономии вакцины тысячи баранов идут под нож.

– Наплевать.

– СПИД? Люди все еще мрут тысячами, но после появления тройной терапии все как воды в рот набрали.

– Потому и набрали, что это вышло из моды.

– Обонятельная коммуникация у растений? Замечено, что некоторые деревья чувствуют неполадки на клеточном уровне неподалеку от себя. То есть дерево чувствует, когда рядом совершается преступление...

– Слишком заумно.

– Самоубийства в молодежной среде? В этом году двенадцать тысяч подростков наложили на себя руки, не считая ста сорока тысяч попыток самоубийства. Появилось сообщество, которое помогает кончать с собой, называется Exit.

– Патология.

Тревога. В ее блокноте больше нет идей. Все взгляды устремлены на нее, Тенардые, похоже, забавляется. Зеленые миндалевидные глаза журналистки мрачнеют.

Я оплошала. Клотильда ушла, освободив место козла отпущения. Перебирать темы бесполезно. Теперь она будет все отвергать, просто чтобы меня взбесить. Единственный способ устоять – сохранить профессионализм. Не принимать все эти отказы близко к сердцу. Найти тему, которую она не сможет отклонить. У меня есть одна-единственная карта, зато козырная.

– Мозг, – предлагает она.

– В каком смысле? – Начальница, не поднимая головы, роется в сумочке.

- Статья про то, как работают наши мозги. Как простой орган умудряется строить мысль.
- Немного расплывчато. Надо бы добавить остроты.
- Смерть доктора Финчера?
- На шахматы всем плевать.
- Этот Финчер был сверходаренным человеком. Исследователем, не оставлявшим попыток понять, что творится в нашей черепушке.

Заведующая отделом хватает сумочку и выворачивает ее на стол, рассыпая все содержимое: губную помаду, сотовый телефон, чековую книжку, ручку, ключи, баллончик со слезоточивым газом, различные лекарства.

Молодая журналистка продолжает аргументировать, считая, что раз «нет» еще не прозвучало, то возможно и «да»:

- Взлет Сэмюэла Финчера в мире шахмат был молниеносным. Его победную партию транслировали все телекомпании мира. А потом – бац! Смерть тем же вечером в объятиях топ-модели Наташи Андерсен. Признаков ограбления нет, ранений тоже. Видимая причина смерти – наслаждение.

Заведующая отделом «Общество», наконец, находит искомое – сигару. Сняв целлофан, женщина подносит ее к носу.

- Ммм... Наташа Андерсен? Это та шикарная белокурая манекенщица с нескончаемыми ногами и синими глазищами с обложки Belle на прошлой неделе? Есть ее фотографии в голом виде?

Олаф Линдсен, главный художник, до того рисовавший в блокноте, вскидывает голову:

– Чего нет, того нет. При всей своей скандальной репутации, а может, как раз из-за нее, она отказывается позировать обнаженной. Только в купальнике, максимум – в мокром.

Кристиана Тенардье отсекает маленькой гильотиной край сигары, жует кончик и выплевывает коричневую массу в урну.

– Жаль. Можно затушевать купальник на компьютере?

– На нас подадут в суд, – предостерегает специалист. – Если я не ошибаюсь, новые правила журнала гласят: никаких судов! Мы и так потеряли кучу денег.

– Тогда фотография в как можно более нескромном, мокром, прозрачном купальнике. Такую, наверное, можно подыскать.

Кристиана Тенардье тычет сигарой в Лукрецию:

– Ладно, пусть будет мозг. Возможно, идея неплохая, может продаваться. Только надо будет нацелиться в статье на то, что представляет широкий интерес: анекдоты, практические советы. Химические механизмы в мозгу во время любовного соития. Не знаю... Гормоны. Оргазм.

Лукреция записывает рекомендации в блокнот, как список покупок.

– Еще можно осветить провалы в памяти. Это больше занимает пожилых читателей. Добавьте небольшой тест, выявляющий необходимость обратиться к врачу. Найдете что-ни-

будь в этом роде, Олаф? Какое-нибудь замысловатое изображение, а потом тест-вопросник по нему. Есть фотографии этого Финчера?

Главный художник утвердительно кивает.

– Очень хорошо. Как озаглавить этот материал? «Проблемы мозга»? Нет, лучше так: «Загадки мозга». Или, может: «Разгаданы последние загадки мозга»? С фотографией полуголой Наташи Андерсен с шахматной доской на просвет вышла бы цепляющая обложка.

Лукреция облегченно переводит дух.

Сработало. Спасибо, Исидор. Теперь подсесть рыбку. Без резких жестов, занять территорию, иначе она отдаст тебе Готье.

– Доктор Сэмюэл Финчер и Наташа Андерсен жили на Лазурном Берегу, в Каннах. Возможно, стоило бы что-то разнюхать там? – предлагает молодая журналистка.

Тенардьё вспоминает об осторожности:

– Как вам известно, из соображений экономии мы стараемся делать все репортажи в Париже. – Заведующая враждебно смотрит на научную журналистку. – Хотя... Имейте в виду, если будет получаться материал для первой полосы, то можно сделать исключение. Только никаких лишних расходов! И не забывайте каждый раз приплюсовывать налог на добавленную стоимость.

Две женщины испепеляют друг друга взглядами. Лукреция первой отводит взор.

Выше голову! Тенардье уважает тех, кто дает отпор, и презирает тех, кто ей кланяется.

– Можно привлечь внештатного помощника? – спрашивает Лукреция Немрод.

– Кого?

– Каценберга, – с вызовом говорит Лукреция.

– Он еще жив? – удивляется заведующая. Она медленно тушит сигару в пепельнице. – Терпеть его не могу. Он играет не по правилам. Одиночка, слишком много претензий. Надменность – вот как это называется. Корчит из себя всезнайку, действует мне на нервы. Вам известно, что это я его отсюда спровадила?

Лукреция знает историю Исидора Каценберга наизусть. Служил в полиции, эксперт-криминалист, виртуозно анализировал вещественные доказательства. В полицейских расследованиях пытался уделять больше внимания науке, но начальство сочло его слишком независимым и постепенно перестало доверять ему новые дела. Тогда Исидор Каценберг перешел в научную журналистику, поставив свои познания в области уголовного розыска на службу расследованиям в СМИ. Читатели «Геттёр Модерн» стали его выделять, отсюда появилось прозвище: в письмах в редакцию поклонники стали называть его Шерлоком Холмсом от науки, прозвище подхватили коллеги. Но однажды он чуть не стал жертвой террористического акта в парижском метро и чудом спасся, выбравшись из-под груды изуродованных тел. С тех пор

он развернул индивидуальный крестовый поход против насилия. Отказавшись писать о чем-либо еще.

Исидор Каценберг засел в своей норе. Оставаясь одиночкой, он поставил себе причудливую цель: стал размышлять о будущем человечества. Намалевал на листе размером с целую стену древо всех вероятностей будущего. Написал на каждой ветке «если». «Если» отдавать приоритет праздности, «если» великие державы развяжут войну, «если» стимулировать либерализм, социализм, роботизацию, завоевание космического пространства, религию и прочее. Корни, ствол, ветви символизировали прошлое, настоящее и будущее человечества. Работая с этим древом возможностей, он неустанно отыскивал ПНИ, Путь Наименьшего Насилия, анализируя все варианты будущего для него и ему подобных.

Лукреция довольна тем, как излагает.

– Наши читатели, как мне кажется, по-прежнему ценят Исидора Каценберга, ассоциируя его имя с глубокими изысканиями нашего журнала.

– Нет, о нем забыли. Если журналист ничего не публикует больше года, его уже не существует. Мы занимаемся эфемерным искусством, моя дорогая. К тому же, чтоб вы знали, в том теракте в метро вашего Исидора слегка контузило. На мой взгляд, у него повредилось в голове.

Тенардые его боится.

– Я ему доверяю, – четко произносит Лукреция.

Удивленный взлет ресниц:

– А я вам говорю: никакого Каценберга. Хотите работать вдвоем, валяйте, Готье вам в помощь, это самое логичное партнерство.

Готье с готовностью кивает.

– Раз так, я предпочитаю отказаться, – выпаливает Лукреция.

Все удивлены. Тенардые приподнимает бровь:

– За кого вы себя принимаете, мадемуазель Немрод? Ваш статус здесь не дает права отказаться от задания. Вы журналист на сдельной оплате, то есть никто.

Лукреция смотрит перед собой. Из дыры на месте выдранного зуба мудрости стреляет во все стороны нестерпимой болью. Призвав всю силу воли, она старается овладеть собой.

Не сейчас, зубная боль, не сейчас.

– Полагаю, мы все друг другу сказали.

Лукреция встает и собирает свои бумажки.

Не смей кривиться, рот.

Тенардые смотрит на нее уже по-другому. Теперь на ее лице больше удивления, чем злости. Лукреция чувствует себя мышкой, подвергавшей за усы львицу и продолжающей ей дерзить. Не очень умно, зато весело.

Хотя бы раз в жизни доставить себе это удовольствие.

– Подождите, – бросает Тенардые.

Не оглядываться.

– Больно быстро начинаете исходить на мыло. А что, мне нравится. Я сама была такой в молодости. Вернитесь.

Сесть без вызова, не демонстрировать удовлетворение.

– Что ж... Если вам это так важно, можете привлечь Каценберга, но заручите себе на носу: его расходы не покрываются, его имя в статье не упоминается. Он поможет вам в расследовании, но писать не будет. Считаете, он согласится на такие условия?

– Согласится. Я его знаю, он это делает не ради славы и денег. Знаете, для него важен только один вопрос, единственный, владеющий сейчас его умом: кто убил Финчера?

8

Г-н Жан-Луи Мартен был обыкновенным человеком.

9

В апреле в Каннах стоит хорошая погода.

Между праздником шахмат и кинофестивалем город получает недельную передышку.

Мотоцикл с коляской едет по набережной Круазет, грохоча и извергая пыль. Он проезжает мимо больших гостиниц-дворцов, которым город обязан своей славой: «Мартинес», «Мажестик», «Эксельсиор», «Карлтон», «Хилтон». Железным конем управляет молодая женщина в красном плаще, ее лицо скрыто под авиаторскими очками, на голо-

ве круглая медная каска. Полный мужчина в коляске вырядился так же, только плащ на нем не красный, а черный.

Мотоциклисты останавливаются перед «Эксельсиором», долго отряхиваются, снимают дорожное облачение, потом направляются к стойке администратора. Их выбор – самые дорогие апартаменты с видом на море.

Выкуси, Тенардые.

Замашками они – прямо монаршая пара. Молча доходят до номера, коридорный распахивает окна, за ними простирается великолепная панорама: море, пляж, Круазет. Морская вода искрится, как будто присыпана звездами.

Отдельные смельчаки уже окунаются в прохладное Средиземное море.

Лукреция Немрод заказывает два фруктовых коктейля.

– Я не верю в вашу гипотезу убийства. С удовольствием проведу для журнала это расследование, но рассчитываю доказать, что вы заблуждаетесь. Никакого убийства не было. Доктор Сэмюэл Финчер прекрасным образом помер от любви.

Внизу ожесточенно сигналият автомобили.

– А я по-прежнему убежден, что ключом к этому делу является мотивация, – гнет свое Исидор Каценберг, пропуская мимо ушей ее слова. – После нашего последнего разговора я провел собственное небольшое расследование, спросив нескольких человек о мотивах. Я задавал каждому один и тот же вопрос: «Что движет лично вами?» В целом главный

стимул один и тот же: перестать страдать.

Снова входит коридорный. Он приносит два разноцветных бокала под зонтиками, с вишенкой и ломтиком ананаса на краешке.

Глотая янтарную жидкость, Лукреция старается не думать о зубе мудрости, все еще дающем о себе знать.

– А что движет вами, Исидор?

– В данный момент – желание разгадать загадку, как вам хорошо известно, Лукреция.

Она грызет ноготь.

– Я уже в вас разобралась. Это не единственное ваше побуждение.

Мышка показывает зубки.

Он, не оборачиваясь, глядит в сторону горизонта.

– Верно, у меня есть и вторая мотивация, более личная.

Она глотает засахаренную вишенку.

– Как бы это сказать... Боюсь, у меня слабеет память. Бывает, начну фразу, мне перебыют – и я теряю нить и уже не могу вспомнить, о чем говорил. Появились трудности с запоминанием кодов и паролей, что для домофонов, что для электронной почты... Это меня беспокоит. Мне страшно, что мой мозг стал работать хуже, чем раньше.

Молодая женщина, полулежа у окна, лицом к морю, приподнимается на локте.

Слон теряет память.

– Наверное, это переутомление. В наше время от всех этих

паролей пухнет голова... Изволь помнить их и для автомобиля, и для лифта, и для компьютера...

– Я прошел обследование в клинике памяти при больнице Ла-Питье-Сальпетрери. Они ничего не нашли. Я надеюсь, что это расследование поможет мне лучше понять собственные мозги. У моей бабки по отцовской линии была болезнь Альцгеймера. Под конец она перестала меня узнавать, приветствовала словами: «Бонжур, месье, вы кто?» Моему деду она говорила: «Вы не мой муж, он моложе и красивее вас». Потом приступы беспамятства проходили, и она сильно страдала, когда узнавала, как себя вела. Меня мучает сама мысль обо всем этом.

Желтый солнечный диск вдали становится оранжевым. По небу плывут серебристые облака. Два журналиста долго смотрят в сторону горизонта, им нравится находиться в Каннах, когда все парижане заперты в своем сером городе.

Мгновение отдыха и молчания.

Лукреция говорит себе, что все люди непрерывно думают и что таким образом пропадают тысячи единиц информации.

Мы знаем об их мыслях только то, что высказывают они сами.

Исидор вскакивает и нервно смотрит на наручные часы.

– Скорее, начинаются новости!

– Что за срочность? – возмущается Лукреция.

– Мне необходимо знать о событиях в мире.

На экране титры уже сменились подробными видеорепортажами на главные темы.

«Забастовка лицейских учителей, требующих повышения зарплаты».

По экрану движется демонстрация.

– Вот у кого всегда одни и те же побуждения! – скептически фыркает Лукреция.

– Ошибаетесь. На самом деле они жаждут не денег, а уважения. Раньше преподаватель был важной персоной, а теперь они сталкиваются не только с учениками, которые их ни в грош не ставят, но и с начальством, требующим победы в заранее проигранной битве: замены родителей, сложивших с себя родительские обязанности. Учителей изображают зажавшимися обладателями всяческих привилегий, вечными отпусниками, а они требуют всего лишь больше признания их усилий. Поверьте, если бы можно было, они бы писали на транспарантах «Больше уважения!», а не «Больше денег!». Как видите, подлинные побуждения людей не всегда те, в каких они признаются.

Ведущий продолжает тянуть канитель:

«В Колумбии подпольная лаборатория наркокартелей разработала новое вещество, вызывающее моментальное привыкание. Этот препарат, уже пользующийся высоким спросом во Флориде, добавляют на студенческих вечеринках в сангрию. Он подавляет волю. Отсюда взрыв обвинений в изнасиловании».

«В Афганистане управляющий совет Талибана принял решение запретить женщинам обучение в школе и лечение в больницах. Им также запрещено ходить без чадры и разговаривать с мужчинами. Толпа забросала камнями женщину, надевшую светлые туфли».

Лукреция видит, что Исидор потрясен.

– Зачем вы раз за разом смотрите в восемь вечера эти ужасы?

Исидор не отвечает.

– В чем дело, Исидор?

– Я слишком восприимчив.

Она выключает телевизор.

Он снова его включает раздраженным жестом.

– Слишком просто. Так я считал бы себя трусом. Пока в мире совершается хотя бы одна дикость, я не могу чувствовать себя безмятежно. Отказываюсь прятать голову в песок.

Девушка шепчет ему на ухо:

– Мы здесь для того, чтобы расследовать конкретное уголовное дело.

– Вот именно. Это наводит на размышления. Мы расследуем гибель всего одного человека, а в это время тысячи гибнут при еще более гнусных обстоятельствах, – уныло произносит он.

– Если не расследовать этот случай, то получатся тысячи... плюс еще один. Кстати, как раз потому, что все приходит к мысли – все равно ничего не изменить, количество

преступлений неуклонно растет и никто ничего толком не расследует.

Признав ее правоту, Исидор соглашается выключить телевизор и закрывает глаза.

– Вы спрашивали, какова моя мотивация? Думаю, что, широко говоря, это страх. Я действую, чтобы перестать бояться. Я с детства всего боюсь. Я никогда не знал спокойствия, потому, наверное, мой мозг и работает так напряженно. Он напрягается, чтобы защищать меня от опасностей, как истинных, так и воображаемых, близких и далеких. Порой у меня возникает чувство, что мир – это сплошная свирепость, несправедливость, насилие и неосознанное стремление к смерти.

– Чего вы, собственно, боитесь?

– Всего. Страшусь варварства, загрязнения среды, злых собак, охотников, женщин, полицейских и военных, заболеть, потерять память, состариться, умереть. А бывает, я боюсь самого себя.

Тут раздается неожиданный звук, и они вздрагивают. Это стук двери. Входит горничная с коробкой шоколадных конфет с вишневым ликером – сладостями на сон грядущий. Она просит прощения у гостей, выбегает и опять хлопает дверью.

Лукреция достает блокнот и пишет:

«Первый стимул: прекращение боли. Второй стимул: перестать бояться».

Г-н Жан-Луи Мартен и вправду был совершенно обыкновенным человеком. Образцовый муж женщины, отлично умевшей готовить телятину «Маренго», отец трех непоседливых дочек, житель пригорода Ниццы, где он занимался очень подходящим ему делом: трудился в юридическом отделе Кредитно-вексельного банка Ниццы.

Его ежедневной обязанностью был вводить в центральный компьютер банка список всех клиентов с отрицательным балансом счетов. Он делал это спокойно и отрешенно, довольный тем, что не должен обзванивать их по телефону – эта обязанность была возложена на его соседа по кабинету Бертрана Мулино.

– Дорогая мадам, мы с удивлением обнаружили, что у вас минусовой баланс счета. С прискорбием вынуждены призвать вас к порядку... – доносилось до слуха Мартена через пластмассовую перегородку.

В субботу вечером Мартены любили, устроившись вместе на диване, смотреть программу «Пан или пропал».

Участник викторины либо находил в себе силы остановиться, довольствуясь тем, что уже выиграл, и опасаясь остаться ни с чем, либо продолжал рисковать в надежде сорвать большой куш.

Зрителей завораживала ситуация, когда участника ждало

либо все, либо ничего. Каждый спрашивал себя, как бы поступил в этой ситуации он сам.

Перед ними разворачивалась драма людей, не умеющих вовремя остановиться, не умеющих выбирать и готовых ставить на удачу из веры в собственную исключительность.

Толпа всегда подбивала их рисковать. «Удвоить! Удвоить!» – надрывалась она, а вместе с ней и Мартены.

В дождливое воскресенье Жан-Луи Мартен любил играть в шахматы с Бертраном Мулино. Он не считал, что бездумно передвигает фигуры, а утверждал, что предпочитает победе любой ценой «красивый боевой танец».

Лукулл, его старая немецкая овчарка, знал, что шахматная партия – время получать ласки. Он даже понимал, как развивается партия, ведь когда хозяин пребывал в затруднении, ласки становились грубее, не то что когда он выигрывал.

После игры мужчины любили посмаковать ореховый ликер, а их неработающие жены, удалившись в угол гостиной, принимались громко сравнивать школьные достижения детей и возможности служебного роста мужей.

Еще Жан-Луи Мартен любил рисовать масляными красками, вдохновляясь теми же темами, что и его идол в области живописи Сальвадор Дали.

Жизнь текла мирно, и он не ощущал ее движения. Банк, семья, собака, Бертран, шахматы, «Пан или пропал», картины Дали. Отпуск его даже несколько тревожил, ибо нарушал

благостный ритм.

Ему хотелось одного: чтобы завтра все было так же, как вчера. Каждый вечер, засыпая, он говорил себе, что он счастливейший из людей.

11

Он храпит!

Лукреция не может уснуть. Она открывает дверь в спальню Исидора и смотрит на соседа.

Огромный младенец.

Поколебавшись, она трясет его за плечо.

Он постепенно выныривает из сновидения, в котором брел по рассыпчатому снегу в городских ботинках, новых и поскрипывающих, в сторону маленькой плохо освещенной хижины.

Она включает верхний свет. Он вздрагивает и приоткрывает левый глаз.

– Ммммм?

Где я?

Он узнает Лукрецию.

– Который час? – спрашивает, потягиваясь, толстяк.

– Два часа ночи. Все в порядке, я хочу уснуть.

Он полностью открывает левый глаз.

– И ради этого вы меня разбудили? Сказать, что хотите спать?

– Не только.

Он корчит рожу:

– У вас, часом, не бессонница, Лукреция?

– Когда-то я была сомнамбулой. Но это давно в прошлом.

Я читала, что при приступах сомнамбулизма человек живет в своем сне. Еще я читала, что, если у кошки перерезают перемычку между полушариями мозга, она начинает изображать с закрытыми глазами то, что ей снится. Вы этому верите?

Он падает на подушку и натягивает простынь на голову, защищаясь от света.

– Спокойной ночи.

– Знаете, Исидор, я очень рада заниматься расследованием на пару с вами, но вы храпите. Этот звук меня разбудил, поэтому я пришла.

– Вот как? Простите. Может, переедем в отдельные апартаменты?

– Нет, просто повернитесь на бок. В такой позе не происходит вибрации мягкого неба. Вопрос самодисциплины, не более того.

Исидор напускает на себя вид смущенной покорности.

– Совсем застыдили... Хорошо, я попробую, – бормочет он.

Удивительно, как легко покоряются мужчины, даже самые обаятельные, женщинам, знающим, чего они хотят, думает Лукреция.

– Почему вы меня слушаетесь? – спрашивает она с любопытством.

– Наверное, потому что... Свободная воля мужчины сводится к тому, чтобы выбрать женщину, которая будет принимать решения за него.

– Неплохо. А еще я голодна. Мы же не ужинали. Почему бы не заказать ужин в номер. Что думаете, Исидор?

Девушка достает блокнот, изучает список и заодно сообщает:

– На третье место я поставила бы такой стимул, как голод. Сейчас, к примеру, я прислушиваюсь к своему организму, и он говорит, что требует еды и что уснет только потом. И пока я не могу делать ничего другого, главное – насытиться. Итак, первое – справиться с болью, второе – прогнать страх, третье – утолить голод.

Исидор бормочет непонятные слова и прячется под одеяло. Она извлекает его оттуда, чтобы заставить слушать.

– Голод... Это же первостепенный побудительный стимул для человечества, верно? Голод заставил придумать охоту, земледелие, силосные ямы, холодильники...

Мужчина слушает ее вполуха.

– Сон тоже важен, – напоминает он, приподнимаясь на локте и заслоня ладонью глаза от света. – К третьей важнейшей категории мотиваций можно отнести сразу голод, сон и жару. Все это в совокупности – потребность выжить.

Она вносит правку в блокнот, потом хватает телефонную

трубку, чтобы заказать еду в номер.

– Лично я хочу спагетти, а вы?

– Мне ничего не надо, благодарю. Мне бы поспать. – Он подавляет зевок, из последних сил борясь с тяжестью век.

– Что предпримем завтра? – не унимается бодрая Лукреция.

Он приоткрывает глаза.

– Завтра? – Похоже, сейчас это понятие сложновато для восприятия.

– Да, ЗАВТРА!

– Завтра мы взглянем на тело Финчера. Вас не затруднит погасить свет?

Темнота приносит успокоение.

Исидор валится на кровать, энергично поворачивается на бок и, прижав к груди перину, тихо, без храпа засыпает.

«Какой он милый!» – думает она.

Ему снова снится, как он бредет по снегу в новых скрипящих ботинках. Войдя в хижину, он находит там Лукрецию.

12

Вечером в воскресенье жизнь Жан-Луи Мартена пошатнулась. Он спокойно прогуливался с Изабелль, своей женой, после ужина и шахматной партии с неизменным соперником Бертраном.

Дело было зимой, шел снег. В тот поздний час на улице не

было ни души. Они брели осторожно, боясь поскользнуться. Внезапно взревел автомобильный мотор, взвизгнули в заносе на обледенелой мостовой шины. Жена уцелела, муж нет.

Он не понял, что стряслось, когда его подбросило в воздух. Все происходило как в замедленном кино.

В эти кратчайшие мгновения воспринимаешь поразительное количество информации. Ему казалось, что он видит сверху все, в том числе разинувшую рот жену и даже не поднявшую голову собаку, не понимавшую, куда подевался хозяин.

Машина умчалась, не затормозив.

Еще паря в воздухе, он ускоренно размышлял. Потом удивление сменилось болью. В момент удара он ничего не почувствовал, как будто закупорили нервы, чтобы послание не прошло по назначению, но теперь удар стал подобен волне кислоты, обжегшей изнутри все тело.

МНЕ БОЛЬНО.

Чудовищная боль. Ужасное жжение, как если схватить рукой оголенный двухсотвольтовый провод. Или как если бы та же самая машина отдала ему пальцы ног. Боль прострелила до самой макушки. От лицевой невралгии вспыхнули все нервные окончания. Вернулось все прошлое, вся история внезапной резкой боли. Перелом руки при падении с лошади. Прищемленные дверью пальцы. Вросший ноготь. Таскание за волосы в разгар детской игры. В такие моменты думаешь об одном: лишь бы это прекратилось. Немедленно!

Еще до падения на землю его пронзила вторая огненная мысль:

МНЕ СТРАШНО УМИРАТЬ!

13

Каннский морг по адресу: авеню Грасс, № 223. Вознесшееся над городом тщательно отделанное здание, внешне похожее на кокетливую виллу, а не на место скорби. Сад с сиреневыми лаврами окружен кипарисами. Двое журналистов из Парижа входят внутрь. В здании высокие потолки, стены закрыты белыми и фиалковыми гобеленами.

На первом этаже расположены траурные залы, где родственники прощаются с покойными, облагороженными косметическими процедурами с применением смол и формалина.

Чтобы попасть в подвал, в судебно-медицинскую лабораторию, Исидору Каценбергу и Лукреции Немрод надо пройти по узкому коридору, где дежурит сторож-антилец с длинными косичками растамана, погруженный в чтение «Ромео и Джульетты».

– Здравствуйте, мы журналисты, нам к судмедэксперту, занимающемуся делом Финчера.

Сторож не сразу удостаивает их вниманием. Драма возлюбленных из Вероны, их родителей, родственников и друзей так потрясла мужчину, что ему совершенно не хочется

открывать окошечко и общаться с непрощеными гостями.

– Очень жаль, но посещение лаборатории разрешено только в сопровождении следственного судьи.

Сторож закрывает окошечко и снова погружается в книгу. Ромео как раз признается в любви, а Джульетта предостерегает его о возможных проблемах с упертыми родителями.

Исидор Каценберг небрежно достает купюру в 50 евро и прилепляет к стеклу.

– Как вам такая мотивация? – спрашивает он.

Ромео и Джульетта мигом теряют для сторожа важность.

Окошко отодвигается, рука торопится забрать деньги.

– Запишите, Лукреция: четвертый стимул – деньги, – диктует Исидор спутнице.

Она достает блокнот и делает пометку.

– Тсс, нас могут услышать, – пугается антилец.

Он хватает купюру, но Исидор не готов ее отдать.

– Что вы с ними сделаете? – интересуется он.

– Отпустите, вы порвете купюру!

Мужчины тянут купюру в противоположные стороны.

– Так что вы сделаете с деньгами?

– Станный вопрос! Вам-то что?

Исидор не выпускает деньги.

– Даже не знаю... Куплю книги. Диски. Видеофильмы, – отвечает сторож.

– Как мы назовем эту четвертую потребность? – громко спрашивает Лукреция, которую смешит вся ситуация и сму-

щение сторожа.

– Скажем, стремлением к комфорту. Первое – прекращение боли; второе – прекращение страха; третье – удовлетворение потребностей выживания; четвертое – удовлетворение тяги к удобству.

Сторож прикладывает усилия и, наконец, завладевает вожаденной купурой. Спрятав ее в карман, он, желая поскорее избавиться от двух докучливых посетителей, нажимает на кнопку, и большая стеклянная дверь с рычанием отъезжает.

14

Очнувшись, Жан-Луи Мартен обрадовался, что жив. Радостно было также не испытывать никакой боли.

Видя, что находится в больничной палате, он подумал, что без повреждений, наверное, все же не обошлось. Не двигая головой, Мартен скосил глаз и увидел свое тело в пижаме, две руки и две ноги, никаких гипсов и повязок. Поняв, что цел, он испытал облегчение.

Но попытка пошевелить рукой оказалась безуспешной, ногой – тоже. Он хотел крикнуть, но не смог открыть рот. Все тело отказало.

Осознав свое состояние, Жан-Луи Мартен пришел в ужас. Единственное, что было ему доступно, – это видеть одним глазом и слышать одним ухом.

Запах селитры. Морг в подвале. Серые коридоры. Наконец, нужная дверь. Они стучат, ответа нет. Они входят. Высокий мужчина, стоя к ним спиной, вставляет в центрифугу пробирку.

– Мы по поводу дела Финчера...

– Кто вас впустил? Не иначе сторож. Ну, в этот раз он у меня дождется! Любой, у кого есть хоть капелька власти, обязательно ею злоупотребит.

– Мы журналисты.

Сотрудник морга оборачивается. Вьющиеся черные волосы, очечки-полукружья, представительная внешность. На кармане халата вышито «профессор Жиордано». Во взгляде читается враждебность.

– Я уже все рассказал полиции. Ступайте прямиком к ним.

Не дожидаясь ответа, он забирает пробирку и исчезает в соседнем помещении.

– Надо нащупать его мотивацию, – шепчет Исидор. – Я этим займусь.

Профессор Жиордано возвращается и окидывает их ледяным взглядом:

– Вы еще здесь?

– Мы хотели бы написать статью лично о вас. Портрет.

Лицо профессора отчасти утрачивает враждебность:

– Статья про меня? Я всего лишь муниципальный служащий.

– Вы наблюдаете вблизи то, что обычно скрыто от широкой публики. Не просто смерть, а случаи странной смерти. Это не займет много времени. Нам бы хотелось побывать в комнате, где производят вскрытие, и сфотографировать вас за вашим повседневным занятием.

Профессор Жиордано не возражает. Он просит предоставить ему всего пять минут, чтобы сходить на другой этаж, за ключом.

Журналисты разглядывают лабораторные инструменты.

– Браво, Исидор! Как вы его раскусили?

– У каждого своя мотивация. Этот клюнул на шанс прославиться. Заметили дипломы на стене и спортивные трофеи на полке? Раз он выставляет их напоказ, значит, у него проблемы с имиджем. Его заботит недостаток уважения. Статья в прессе – признание его заслуг.

– Какой вы зоркий.

– У каждого человека своя инструкция по применению. Главное – найти главный рычаг. Для этого надо представить человека ребенком и задаться вопросом, чего ему тогда недоставало. Кому-то – маминых поцелуев, кому-то – игрушек, а нашему Жиордано не хватало восхищения окружающих. Теперь у него потребность изумлять людей.

– Вы считаете, что чужое восхищение – это пятый стимул? Исидор разглядывает центрифугу вблизи.

– Можно и расширить: признание в группе.

– Социализация?

– Я бы причислил эту потребность к более широкой категории долга перед другими. В это понятие я включаю долг перед родителями, учителями, соседями, страной, вообще перед всеми остальными людьми. Этот профессор Жиордано исполняет свои обязанности хорошего сына, хорошего ученика, хорошего гражданина, хорошего функционера, но хотел бы это скрыть.

Лукреция достает блокнот и подсчитывает:

– Итак, что мы имеем? Первое – прекращение боли; второе – подавление страха; третье – удовлетворение потребностей, связанных с выживанием; четвертое – удовлетворение потребности в комфорте; наконец, пятое – долг.

– Этот самый долг, – подсказывает Исидор, – гонит людей на войну и заставляет приносить жертвы. Человек воспитывается, как ягненок в стаде. Потом он уже не может отбиться от стада и старается нравиться другим баранам в нем. Потому все и стремятся завоевывать медали, добиваются повышения жалованья, хотят видеть свое имя в журнальных статьях. Сама потребность в комфорте отчасти связана с этим представлением о долге. Телевизор, автомобиль покупают не столько потому, что без них никак не обойтись, сколько с целью показать соседу свою принадлежность к стаду. Телевизор и автомобиль должны быть самыми лучшими – это доказательство богатства и то, что вызывает похвалы в стаде.

Профессор Жиордано возвращается преображенный: волосы спрыснуты лаком и еще лучше расчесаны, старый халат заменен новым. Показывая ключ, он приглашает журналистов в соседнюю комнату, на двери которой висит табличка «Вскрытие». Судмедэксперт вставляет ключ в замочную скважину и отпирает дверь.

Первое впечатление в морге – обонятельное. К чудовищному трупному запаху примешивается другой – смесь формалинового дезинфицирующего средства и лаванды. Пары этих веществ проникают в ноздри, растворяются в слизи и оседают на стенках. Реснички-нейрорецепторы, омываемые носовой слизью, улавливают пахучие молекулы и отправляют их в самую высокую точку носа. Там четырнадцать миллионов клеток-рецепторов, теснящихся на площади в два квадратных сантиметра, анализируют запах и преобразуют его в сигналы, которые устремляются в обонятельный участок мозга, а оттуда в гиппокамп.

– Ну и вонь! – стонет Лукреция, зажимая нос. Исидор делает то же самое.

Экскурсовода запах ничуть не смущает, его скорее забавляет эта типичная для новичков реакция.

– Обычно здесь используют противогазы. Но сейчас все трупы защиты, и это лишнее. Помнится, однажды один коллега забыл надеть респиратор, прежде чем разрезать живот самоубийцы, наглотавшегося разной химии: лекарств, растворителей, чистящих средств... В желудке все это забродило.

ло, и мой коллега, приступивший к вскрытию, получил такой токсический выхлоп, что его срочно госпитализировали.

Судмедэксперт хихикает, но его гостям не до смеха.

На шести столах из нержавеющей стали стоят белые деревянные подставки-подголовники, в столах сделаны желоба для стока телесных жидкостей. На четырех столах из шести лежат накрытые пластиковыми кожухами трупы, торчат только ноги с этикеткой на большом пальце.

– Автомобильная авария... – объясняет Жиордано со вздохом фаталиста. – Решили, что успеют обогнать грузовик до виража.

Справа на стене белеет огромная раковина с раздатчиком мыла, тут же стерилизаторы хирургических инструментов, шкаф для рабочих халатов, в углу кювет для органических отходов, в глубине комнаты дверь с табличкой «Рентгеновский кабинет. Вход воспрещен!». Левая стена занята холодильными ячейками, помеченными буквами алфавита.

– Вас, собственно, что интересует?

– Для начала мы бы сфотографировали вас с инструментами в руках на фоне рабочего места, – говорит Лукреция, усвоившая урок: надо сыграть на гордыне интервьюируемого.

Ученый не заставляет просить его дважды и демонстрирует то щипцы, то скальпель, стараясь выглядеть поимпозантнее. После фотосессии Лукреция вынимает блокнот.

– Отчего, по-вашему, умер Финчер?

Профессор Жиордано подходит к шкафу с папками и достает дело Финчера. Оно состоит из фотографий, результатов экспертиз, аудиокассеты с записью вскрытия, результатов химических анализов.

– От любви.

– Нельзя ли поподробнее? – просит Исидор Каценберг.

Судмедэксперт листает страницы:

– Зрачки расширены, вены напряжены, повышенный приток крови в головной мозг и в половой член.

– В член? – удивляется Лукреция. – Это можно констатировать после смерти?

Жиордано как будто ждал этого вопроса.

– Эрекция – это прилив артериальной крови в пещеристое тело. Затем вены, принимающие эту кровь, сжимаются, обеспечивая твердость. Но кровь не может слишком долго оставаться в пещеристом теле, иначе у клеток начнется кислородное голодание. Именно поэтому даже при очень долгой эрекции происходит ее периодическое ослабление: часть крови «отправляется за кислородом». У Финчера мы нашли клетки, омертвевшие в результате длительного застоя.

– Что показал анализ крови, помимо некроза? – интересуется Исидор, спеша сменить тему.

– Аномально высокий уровень эндорфинов.

– Что это значит?

– У него был сильный оргазм. Как известно, мужское удовлетворение необязательно связано с семяизвержением. Бы-

вает семяизвержение без оргазма и оргазм без семяизвержения. Единственное, что указывает на оргазм – и у мужчины, и у женщины – это присутствие эндорфинов.

– Что такое эндорфины? – интересуется Лукреция, теребя длинные рыжие волосы в мелких завитках.

Профессор Жиордано поправляет очки-полукружья и приглядывается к молодой женщине:

– Это наш природный морфин – вещество, синтезируемое организмом для доставления удовольствия, а также чтобы помочь вытерпеть боль. Выделение эндорфинов происходит при смехе и при чувстве влюбленности (вы не замечали, что в присутствии симпатичной и желанной особы вас меньше беспокоит ревматизм?). При занятии любовью выделение эндорфинов приобретает взрывной характер. Когда при беге трусцой вы чувствуете нечто вроде опьянения, то это связано с выделением эндорфина для уменьшения мышечной боли. В этом состоит косвенное объяснение удовольствия от бега.

– Вот, значит, почему развелось столько бегунов? – удивляется Лукреция.

– На самом деле они фанатики не спорта, а эндорфинов, выделяемых для смягчения боли.

Лукреция увлеченно строчит в блокноте. Жиордано, видя проявленный к его рассказу интерес, продолжает:

– В Китае придумали использовать домашних ланей. Им устраивали открытый перелом ноги, которую ломали снова при первых признаках срастания кости. Болевой шок был та-

кой, что организм начинал выделять эндорфины для притупления боли. Тогда китайцы брали кровь из яремной вены лани и сушили ее. Полученный порошок, насыщенный эндорфинами, продавался как возбуждающее средство.

Журналисты дружно кривятся.

– Какую мерзость вы рассказываете! – возмущается Лукреция, переставая записывать.

Ученый доволен, что шокировал ее:

– Обычно в момент удовольствия продуцируется совсем мало эндорфинов, и они довольно быстро исчезают, но у Финчера случился такой мощный выброс, что на момент взятия анализа еще оставались их следы. Так бывает крайне редко. Не иначе это был тот самый «удар молнией», о котором все так мечтают.

Лукреция замечает интерес Жиордано к ее груди и застегивает пуговку.

Раздраженный Исидор меняет тему:

– Полагаете, Финчер принимал наркотики?

– У меня была такая мысль. Наркотические вещества накапливаются в жировой ткани и надолго там задерживаются.

Судмедэксперт указывает на изображение человека без кожи над раковиной. Хорошо видны мускулы, кости, сухожилия, жировые отложения.

– Там удастся обнаружить такие вещества, как мышьяк, железо или свинец спустя десятилетия после их попадания в организм даже в мельчайших дозах.

– Вы хотите сказать, что телесный жир состоит из слоев, как почва, вскрываемая при археологических раскопках?

– Именно! В нем оседает все, что попало в организм, распределяясь по временным ярусам. В жире Финчера я искал следы различных веществ, но ничего не нашел: ни наркотиков, ни медикаментов, вообще никакой подозрительной химии.

Лукреция не скрывает ликования:

– Значит, смерть от любви существует!

– Существует, и еще как. Точно так же, как смерть от тоски. Сила духа беспредельна. Если хотите знать мое мнение, это не только физическая, но и психологическая смерть. Психологическая – прежде всего.

Исидор разглядывает дверцы холодильных шкафов, помеченных буквами, и указывает на букву F.

– Можно взглянуть на тело Финчера?

Профессор Жиордано отрицательно мотает головой:

– Вам не повезло, я закончил вскрытие сегодня утром. Останки меньше часа назад отвезли семье. – Он удрученно вздыхает. – А вот ему самому повезло: удалось уйти красиво. Сначала он становится чемпионом мира по шахматам, а потом умирает в объятиях одной из красивейших женщин планеты. Есть же везунчики... Я уж не говорю об его профессиональных достижениях.

– Кстати, где он работал?

– В больнице Святой Маргариты на одном из двух Лерин-

ских островов. Под его руководством это заведение разрослось в одну из крупнейших психиатрических больниц Европы. Признаюсь – строго между нами: я сам лечился там от депрессии.

Исидор удивленно приподнимает бровь.

– Слишком много вкалывал, нервы не выдержали.

Судмедэксперт выразительно смотрит в изумрудные глаза молодой журналистки.

– Что поделать, такие времена. По последним данным ВОЗ, половина населения цивилизованных стран нуждается в психологической помощи. Франция держит мировое первенство по потреблению транквилизаторов и снотворных на душу населения. Чем человек умнее, тем меньше его стойкость. Вы удивитесь, узнав, сколько западных политических лидеров лечились в психбольницах. Лично у меня остались от пребывания в больнице Святой Маргариты самые радужные воспоминания: природа, берег моря! Отдыхаешь душой и телом. Зелень тебе, листики-цветочки.

16

– Месьемартенмесьемартенмесьемартенвыменяслышите?

Попав в ушную раковину и преодолев ушной канал, эти звуки столкнулись с ушной серой – жирной восковидной массой желтого цвета, предназначенной для защиты и сохранения эластичности барабанной перепонки. Волна обогнула

эту преграду и вызвала вибрацию самой перепонки.

За перепонкой находилось среднее ухо – заполненная воздухом полость с тремя косточками внутри. Первая косточка под названием «молоточек», прикрепленная к барабанной перепонке, и передавала движение звука. Она ударяла по второй косточке, «наковальне», а та приводила в движение третью, «стремечко», называемую так за форму. Этот комплект из трех косточек позволил механически усилить стимулирование, делая громче слишком слабый голос врача.

Дальше волна передалась во внутреннее ухо, где достигла ушной улитки – органа в форме моллюска из пятнадцати тысяч нервных клеток с ресничками – они и были истинными приемниками звука. Теперь волна превратилась в электрический сигнал, который по слуховому нерву достиг «петли Гешля». Там находился словарь, присваивавший каждому звуку значение.

– Месье Мартен (*это я*), месье Мартен (*он настаивает, потому что боится, что я не слышу*), вы меня слышите? (*Он ждет от меня ответа. Как быть? Никак, я НИЧЕГО НЕ МОГУ!*)

Мартен жалобно дернул одним веком.

– Вы очнулись? Добрый день. Я доктор Сэмюэл Финчер. Я буду вами заниматься. У меня для вас хорошая и плохая новость. Хорошая – вы выжили в аварии. Учитывая силу удара, это можно считать чудом. И плохая – ваш мозговой столб поврежден выше продолговатого мозга. Это вызвало

так называемый синдром запертого человека. Ваш мозг продолжает функционировать, но периферическая нервная система больше не отвечает на его сигналы.

17

– Вы считаете, что Финчера убили? – спрашивает судмедэксперт у Исидора и получает в ответ утвердительный кивок. – Вы мне симпатичны, к тому же у меня перед Финчером должок. Поэтому я покажу вам фокус.

Он подмигивает журналистам:

– Только дайте слово никому не рассказывать. Главное, никаких фотографий!

С грацией сомелье, достающего бутылку коллекционного вина, судмедэксперт открывает дверь рентгеновского кабинета. Там, рядом с медицинским оборудованием, стоят стол и шкаф. Жиордано приглашает журналистов войти, распаковывает дверцу шкафа и достает прозрачную колбу с желтоватой жидкостью, в которой плавает серо-розовый ком.

– Родня затребовала тело, но не станет же она проверять его комплектность. Знаете, во время вскрытия достают органы, чтобы осмотреть и вернуть внутрь тела в пластиковом пакете. Разрез зашивают. Кому взбредет в голову удостовериться, все ли на месте? В общем, я утаил вот это. Очень рассчитываю на ваше молчание. В конце концов, это не абы кто... Так же поступили с Эйнштейном.

Он зажигает на потолке красную лампу, при которой проявляют снимки, и становится видно, что именно находится в колбе.

– Мозг Финчера! – восклицает Лукреция.

Журналисты не смеют шелохнуться, замороженные зрелищем подсвеченного красным нервного отростка. Его бороздят извилины, четко выраженные вены теряются в глубоких провалах. Сечение находится там, где должен начинаться спинной мозг.

Судмедэксперт подносит колбу к глазам, внимательно разглядывая содержимое.

– Человеческий мозг – величайшая из загадок. Проблема в том, что мы располагаем всего одним инструментом, чтобы попытаться ее разгадать, и имя ему – наш собственный мозг.

Они долго смотрят на мозг, переваривая последнюю фразу.

Лукреция протягивает визитную карточку.

– Найдете что-нибудь новенькое – сразу звоните мне. В любое время суток, вы меня не побеспокоите, телефон стоит на виброрежиме.

Профессор Жиордано хватает карточку и небрежно сует в карман. Его ладонь поглаживает колбу.

– Я несколько раз встречался с Сэмюэлом Финчером при его жизни. Мы подружились. Последний раз я видел его в кабаре «Веселая сова», где выступал его брат, Паскаль Финчер. Он гипнотизер. Кстати, они оба были фанатиками раз-

гадивания тайн мозга. Сэмюэл подходил к проблеме с органической стороны, Паскаль – с психологической. Побывайте на его сеансе гипноза, там вы поймете силу мысли...

Под лучами красного света мозг Финчера медленно вращается в колбе.

18

Жан-Луи Мартена обуяли ужас, паника, полное смятение. Однако в ухо продолжал литься ласковый голос:

– Знаю, это нелегко. Но вы в хороших руках. Вы находитесь в больнице Святой Маргариты. Мы занимаем передовой рубеж изучения мозга и нервной системы.

Теперь ему открылся масштаб случившейся катастрофы. Жан-Луи Мартен, бывший сотрудник юридического отдела Кредитно-вексельного банка Ниццы, думал, видел одним глазом, слышал одним ухом, но не мог даже пошевелить пальцем, чтобы почесаться. Собственно, потребность чесаться и не могла возникнуть за полной неспособностью почувствовать зуд... Сейчас его сверлила единственная мысль: лишь бы все это кончилось.

Доктор Сэмюэл Финчер положил руку ему на лоб, но Мартен не почувствовал прикосновения.

– Я знаю, о чем вы думаете. Вы хотите умереть. Вам хочется совершить самоубийство, но вы отдаете себе отчет, что из-за полного паралича это вам недоступно. Я прав?

Жан-Луи Мартен предпринял титаническую попытку ответить, но только и смог, что опустить веко. Других действующих мышц у него не осталось.

– Жизнь... Такова мотивация любого организма: прожить как можно дальше. Этого жаждет даже бактерия, червяк, насекомое. Еще несколько секунд жизни, еще немножко, еще.

Доктор сел рядом с ним.

– Я знаю, что вы думаете: «Только не я. С меня довольно». Но вы ошибаетесь.

Медная радужная оболочка зрячего глаза Жан-Луи Мартена расширилась, в ней разверзлась черная бездна, выражавшая весь ужас. Он встретил эту ситуацию совершенно неподготовленным.

Со мной покончено. Что я натворил, чем заслужил такую кару? Такого никто бы не вынес. Не двигаться! Не говорить! Не чувствовать мира! Боль, и та мне недоступна. Все рухнуло. Я завидую калекам, они всего лишь калеки! Завидую обожженным! Безногим завидую – у них хоть руки есть. И слепым, они, по крайней мере, чувствуют свое тело! Я наказан с большей жестокостью, чем кто-либо еще в истории человечества. Раньше мне дали бы умереть. Но теперь из-за проклятого прогресса я живу помимо собственной воли. Это ужасно.

Его взгляд, пометавшись, останавливается.

А он? Кто он? До чего спокойный взгляд у этого врача. Как будто он знает, как вылечить этот кошмар. Он что-

то мне говорит. Япреждевсегоче...

– Я прежде всего человек, а лишь потом врач. Я действую по совести и лишь потом вспоминаю о профессиональном долге и о страхе перед проблемами с юстицией. Для меня важнее всего уважение к свободе воли вверенных мне людей. Поэтому я предоставляю вам возможность выбора. Решите жить – опустите веко один раз. Решите отказаться от жизни – опустите его дважды.

Я могу выбирать! Значит, у меня еще есть связь с миром. Ясное дело, я хочу умереть.

Как выразить мой выбор? Ну да, дважды моргнуть, дважды привести в действие единственный мускул.

– Не торопитесь...

Жан-Луи Мартен стал думать о том, что было «раньше».

Раньше я был счастлив.

*Неужто надо всего лишиться, чтобы понять, какими со-
кровищами ты обладал?*

Доктор Финчер кусал в ожидании губы.

До сих пор все несчастные с синдромом «запертого человека», которым он предоставлял этот выбор, выбирали смерть.

Глаз Жан-Луи Мартена удивлял своей неподвижностью. Зрачок превратился в точку, так напряженно силился он уловить выражение лица врача.

Он не обязан так поступать. Он рискует. Ради меня. Если меня убить, можно нарваться на неприятности. Другой

на его месте пощадил бы меня, не спрашивая моего мнения. Во имя клятвы Гиппократ, обязывающей их любой ценой спасать людей. Это самый удивительный момент в моей жизни, самое тяжелое решение.

Врач устало поправил съехавшие на кончик носа очки и, опустив глаза, словно не желая влиять на пациента взглядом, заключил:

– Решать вам. Но я должен предупредить: если вы решите жить, то я никогда больше не предложу вам умереть и буду всеми силами сражаться за максимальное продление вашей жизни. Хорошо подумайте. Моргнуть один раз – да, два раза – нет. Ну, каков ваш выбор?

19

– Салат нисуаз без анчоусов, заправку подайте отдельно. Помидоры без кожуры – она у меня не переваривается. Какой уксус вы добавляете?

– Малиновый, мадемуазель.

– Вы не могли бы добавить лучше бальзамический уксус из Модены, обожаю его!

Исидор, любитель кисло-сладких блюд, заказывает авокадо с креветками и грейпфрутом.

Официант записывает заказ. На горячее Лукреция выбирает курицу по-провансальски, но без помидоров, соус отдельно. И без лука. И нельзя ли вместо печеных яблок по-

дать на гарнир стручковую фасоль? На пару, без жира, просто стручковая фасоль. Официант делает исправление в заказе, пишет что-то на полях, он само терпение, как будто привык обслуживать сложных клиентов. Исидор останавливается на налимe с вареными овощами. К заказу десерта он пока не готов.

– Месье желает винную карту? У нас есть отменное розовое из Бандоля.

– Нет, лучше «Оранжина лайт» и миндальное молоко, – решает за него Лукреция.

Перед уходом официант ставит на затейливую скатерть и зажигает две высокие свечи. Дело происходит в ресторане-кабаре «Веселая сова». Зал невелик, стены и даже потолок увешаны сотнями масок – человеческими лицами с широко раскрытыми глазами. Такое впечатление, что на клиентов глазееет под разными углами целая толпа.

Над сценой афиша: «Мэтр Паскаль, гипнотизер».

– Вы верите в гипноз?

– Я верю в силу внушения.

– Что такое внушение?

– Какого цвета снег?

– Белого.

– Какого цвета эта бумага?

– Белого.

– А что пьет корова?

– Молоко...

Исидор победно ухмыляется.

– Ой, не молоко, воду. Браво. Здорово вы меня обставили, – признает Лукреция.

Приносят тапенаду в качестве легкой закуски, чтобы они немного потерпели, и они, лакомясь маслинами и каперсами, разглядывают зал.

Мужчина справа громко и уверенно разговаривает по мобильному, его сосед по столу изображает безразличие, хотя на самом деле очень надеется, что и у него зазвонит телефон, и тогда он доставит болтуну такое же неудобство.

На столе вибрирует сотовый Лукреции. Исидор Каценберг смотрит на нее с упреком. Она смотрит на номер звонящего, решает, что ей это неинтересно, и нажимает отбой.

– Тенардье, – сообщает она. – Я выключила телефон, чтобы нас больше не беспокоили.

– Мобильник – новое хамство нашего времени, – говорит Исидор.

Другие пары вокруг молча едят. Исидор смотрит на них, катая хлебные шарики.

– Умереть от любви, умереть от любви, у Жиордано, небось, куча таких трупов... – бормочет он, забрасывая шарик в рот.

– Именно от любви! Любить. Л-Ю-Б-И-Т-Ь до отвала башки. Вы у нас, конечно, интеллеktуал, мудрец, где вам постигнуть силу чувств! – отвечает ему Лукреция Немрод.

Он залпом выпивает миндальное молоко.

– Финчера убили, я нисколько в этом не сомневаюсь. И убийца – не Наташа Андерсен.

Молодая журналистка берет его за подбородок. Ее зеленые миндалевидные глазищи искрятся при свете свечей, грудь вздымается от сдерживаемого гнева.

– Скажите правду: вы хоть раз в жизни произносили «я тебя люблю», Исидор?

Он убирает ее руку.

– Эта фраза – ловушка для простаков. Лучший способ облапошить наивного дурачка. По-моему, за этими словами кроется желание владеть другим человеком. Мне никогда не хотелось никем владеть, и другим я тоже никогда не позволял владеть мной.

– Вас можно пожалеть... Зачем вам искать убийц, если вы не способны найти любовь?

Исидор набрасывается на хлебный мякиш, превращает его в огромный шар, проглатывает и выдает фразу, отточенную в его персональном мозговом цеху:

– Любовь – это победа воображения над умом.

Девушка пожимает плечами. Ее помощник всего лишь мужчина со способностью к умственной деятельности, не более того, говорит она себе. Мозг без сердца.

Подают закуски.

Лукреция берет кончиками пальцев салатный лист и жует его резцами, как грызун.

– Я не намерена терять время в Каннах. По-моему, это

расследование утратило смысл, дорогой Исидор. Любовь существует, Сэмюэл Финчер встретил ее и умер. На здоровье! Я тоже надеюсь умереть от любви. Завтра я вернусь в Париж и продолжу работу над материалом о мозге в больнице Питье-Сальпетрери, где, по вашим же словам, самая современная нейрологическая медицина.

Внезапно гаснет электричество, теперь лица ужинающих озаряет неверное пламя свечей.

– Сегодня, как и каждый вечер, большое гипнотическое представление мэтра Паскаля Финчера. Я попрошу вас выключить мобильные телефоны.

Все послушно суют руки в карманы и выключают сотовые. Человек в черном смокинге с блестками выходит на сцену и приветствует публику.

Лукреция и Исидор замечают его сильное внешнее сходство с покойным братом. Он немного выше ростом, не носит очков, сильнее горбится и как будто старше годами.

Паскаль Финчер начинает представление речью о силе внушения. Он вспоминает русского ученого Павлова, у которого собаки исходили слюной просто при звуке сигнала.

– Это называется условным рефлексом, программированием реакции на определенное событие или в конкретный момент. Разве вам никогда не случалось говорить себе «Хочу проснуться без четверти восемь без будильника» и потом обнаруживать, что вы и вправду проснулись ровно в задуманное время? Ни минутой раньше, ни минутой позже.

Шепот в зале, многие вспоминают что-то в этом роде; а они-то считали это простым совпадением.

– Вы самостоятельно вызвали у себя условный рефлекс. Люди делают это постоянно. Например, ходить в туалет после завтрака, испытывать голод в обеденный перерыв, хотеть по-маленькому при входе в лифт, везущий вас домой, засыпать сразу после вечернего фильма.

Зрители смеются, вспоминая ощущения, которые считали интимными.

– Мы как самостоятельно программируемые компьютеры. Мы создаем себе рефлекс даже на наши будущие успехи и неудачи. Слышали такое начало фразы: «Уверен, я вас беспокою, но...»? Человека программируют на отказ. Все это делается без всяких размышлений.

Гипнотизер приглашает добровольца для показательного эксперимента. Вызывается высокий блондин. Паскаль Финчер требует, чтобы ему поаплодировали, потом встает напротив мужчины, требует, чтобы тот смотрел на маятник у него в руке, и говорит:

– Ваши веки тяжелеют, тяжелеют, вы больше не можете их поднять. Теперь вам жарко, очень жарко. Вы в пустыне, вы задыхаетесь в одежде.

После того как это заклинание звучит несколько раз, подопытный, не открывая глаз, раздевается до трусов. Паскаль Финчер будит его, высокий блондин вздрагивает, он стыдится своей наготы. Весь зал аплодирует.

– В чем фокус? – интересуется Лукреция у своего спутника.

– Вся заслуга принадлежит гипнотизируемому, а не гипнотизеру, – объясняет Исидор. – Это он решает повиноваться голосу. Считается, что гипнозу подвержены двадцать процентов населения. Эти люди способны настолько довериться гипнотизеру, что полностью утрачивают самоконтроль.

Паскаль Финчер вызывает следующего подопытного.

– Вперед, Лукреция!

– Нет, идите вы, Исидор.

– Мадемуазель немного робеет, – обращается он к артисту.

Паскаль Финчер за руку выводит молодую женщину на сцену.

– Сразу предупреждаю: раздеваться не стану, – твердо заявляет она, морщась от света прожекторов.

Гипнотизер просит ее сосредоточить внимание на тех же хрустальных часах.

– Вы чувствуете нарастающую усталость. Ваши веки тяжелеют, тяжелеют...

Не отрывая глаз от маятника, она произносит:

– Очень жаль, но со мной это не пройдет, кажется, я принадлежу к восьмидесяти процентам населения, невосприимчивым к гипнотизму...

– Вы спите.

Она умолкает и закрывает глаза.

– Вы крепко спите... – гнет свое Паскаль Финчер.

Когда Лукреция, судя по виду, крепко засыпает, гипнотизер спрашивает, чем она занималась накануне. Ответ следует без запинки:

– Вчера я посетила каннский морг.

Следуют вопросы о ее занятиях на прошлой неделе. Она все вспоминает. Месяц назад. Год назад в тот же день. Она послушно отвечает. Гипнотизер просит вернуться в прошлое на десять лет. На двадцать лет. Требуем вспомнить первые дни жизни, рождение, даже то, что происходило раньше самого появления на свет. Молодая женщина старательно принимает позу зародыша. Финчер помогает ей сесть на пол, так эту позу воспроизвести легче. Она увлеченно сосет палец.

В ответ на просьбу воспроизвести момент появления на свет Лукреция, горбясь что есть силы, принимается тяжело дышать, изображая нехватку кислорода, родовой шок. Внезапно дыхание вообще прекращается. В зале переживают. Молодая журналистка становится красной, вся дрожит, но гипнотизеру хоть бы что. Он гладит Лукрецию по щекам и по подбородку, как будто помогая покинуть место, где ей плохо. Он словно приподнимает ее за подбородок, потом за плечи. Она понемногу распрямляется. Его рука действует успокаивающе. Он вытягивает ее из узкой щели. Когда этот процесс прерывается, он обходит ее и легонько шлепает по спине. Шлепки набирают силу. Она оживает, чихает и, все еще

не разжимая век, издает звук, похожий на писк новорожденного.

Паскаль Финчер садится на пол, обнимает молодую женщину и, покачивая ее, заставляет успокоиться.

— Ну вот, теперь все хорошо. Постепенно вернемся в наши дни.

Он принуждает ее представить и показать первый год жизни, первое десятилетие, последний год, неделю, вчерашний день, предшествующий час. Затем объявляет обратный отсчет времени от десяти до нуля и предупреждает, что, когда раздастся слово «ноль», она откроет глаза. Она ничего не будет помнить, но сам сеанс повлияет на нее благотворно.

Она открывает глаза. В зале неуверенные хлопки. Она хлопает ресницами.

— Вот видите, ничего не вышло, — говорит она, приходя в себя.

Паскаль Финчер берет ее за руку, чтобы сорвать бурные аплодисменты. Лукреция не сопротивляется, она сильно удивлена. Он благодарит ее, она возвращается за столик.

— Это было потрясающе, — говорит ей Исидор.

— Но ведь ничего не получилось? Или получилось? Что произошло? Ничего не помню.

— Он заставил вас пережить момент рождения. Вы немного застряли, но он вас спас.

— Как это застряла?

— При выходе из материнской утробы. Похоже, вы чуть не

задохнулись, но он вас приободрил и извлек на белый свет. Благодаря ему вы пережили это событие в улучшенных условиях.

Лукреция решительно стягивает через голову джемпер, потом медленно натягивает его снова, не торопясь высвободить голову. Прodelав то и другое несколько раз, она объясняет удивленному Исидору:

– У меня была фобия. Надевая что-то через голову, я не выносила, чтобы ворот стягивал голову больше доли секунды: возникал животный страх. Казалось бы, ерунда. А вот представьте себе! Поэтому я всегда делала это очень быстро. Теперь у меня впечатление, что я исцелилась.

Она медленно, с наслаждением снова снимает и надевает джемпер.

Гипнотизер вызывает последнего добровольца для еще более тонкого эксперимента. Трое военных, пришедших в разгар сеанса, с веселыми криками отряжают одного из своих. Тот сначала отнекивается, но потом соглашается, чтобы его не обвиняли в трусости.

Паскаль Финчер быстро усыпляет солдата хрустальными часами с маятником, потом говорит ему:

– Услышав слова «синяя магнолия», вы сосчитаете до пяти, снимете правый ботинок, дважды постучите в дверь и засмеетесь.

Он несколько раз повторяет это задание, потом будит подопытного. Тот возвращается на место. «Синяя магнолия», –

небрежно бросает гипнотизер. Солдат замирает, мысленно считает до пяти, снимает башмак, идет к двери, дважды стучит в нее и хохочет.

Зал присоединяется к его смеху и хлопает, не щадя ладоней. Аплодисменты – древний символ объятий: не имея возможности прижать к себе человека из-за расстояния, вы стучите в ладоши, изображая желание его поймать.

Смущенный военный уже не веселится, он неуклюже надевает ботинок.

– Такова сила мысли, – говорит гипнотизер. – Раньше я использовал кодовые словосочетания попроще, вроде «кофе с молоком» или «луч солнца», но из-за своей обыденности они создавали проблемы в повседневной жизни. Теперь я пользуюсь «синей магнолией». В обычном разговоре эти слова вряд ли прозвучат.

Финчер снова произносит кодовую фразу, и подопытный, уже завязывавший шнурок, застывает, опять снимает башмак, два раза стучит в дверь и хохочет.

Еще более бурная овация. Еще более сильное смущение подопытного, трясущего головой, бранящегося себе под нос и шлепающего себя по затылку как будто с намерением выбить из головы эту чепуху.

Гипнотизер кланяется. Занавес.

Двое журналистов еще не доели закуски, а официант, пользуясь их невниманием, уже ставит им на столик горячее.

– Гипноз... Это не приходило нам в голову. Что, если кто-

то так же ввел Финчеру в голову кодовое слово?

– Вот только какое? «Синяя магнолия»?

Молодая журналистка напряженно размышляет.

– «Я тебя люблю!» – выпаливает она. – Что-то в этом роде, с добавлением условия, что при звуке этой фразы его сердце останавливается. – Девушка очень довольна своей догадливостью. – Наташа Андерсен произнесла ее в деликатный момент – и пожалуйста, смертельная судорога.

– У вас получается, что фраза «я тебя люблю» способна вызвать смертельный условный рефлекс! – удивляется Исидор.

Лукреция увлеченно складывает элементы пазла.

– Даже не судорога, а лучше – остановка сердца. Вы же сами говорили, что при помощи мозга можно управлять сердцем.

– Я видел, как это делают йоги. Но не думаю, что можно добиться полной остановки. Должны включаться автоматические механизмы выживания.

Она быстро придумывает другой вариант:

– Раз так, то можно представить, что его запрограммировали на хохот до смерти. Расхохотаться и от этого умереть, услышав слова «я тебя люблю».

Довольная своей догадкой, она реконструирует всю историю:

– Думаю, дражайший Исидор, я поставила в этом деле точку. Финчера убил его братец Паскаль, заблаговременно его

загипнотизировавший. Он внедрил ему в мозг фразу-триггер – неявную, но коварную: «Я тебя люблю». Наташа Андерсен произнесла ее в момент оргазма. Остановка сердца, чемпион мира по шахматам мертв. Ясное дело, она сочла виновной себя. Безупречный план: без присутствия убийцы на месте преступления, без орудия убийства, без повреждений на теле, свидетель всего один – считающий причиной смерти самого себя! Лучшее прикрытие – похоть, как вы это однажды назвали: секс – до сих пор табу. Чем не идеальное убийство?

Молодая журналистка, вдохновленная собственной логикой, с аппетитом очищает свою тарелку.

– А мотив?

– Зависть. Сэмюэл красивее Паскаля. У Сэмюэла невеста топ-модель, а еще он победил в чемпионате мира по шахматам. Богат, красив, со сногшибательной красавицей в постели, добился всемирной славы – разве можно такое вынести? Завистник брат прибег к таланту гипнотизера, чтобы создать у жертвы условный рефлекс и обречь ее на гибель. Он коварен и порочен, поэтому устроил так, чтобы брат скончался в объятиях любовницы.

Девушка листает свой блокнот, ища прошлые страницы:

– Можем добавить этот вариант мотивации. Под номером пять у нас шел долг, под номером шесть будет стоять зависть.

Налиму, нежащемуся теперь в вареных овощах, – блюду Исидора, повезло больше, чем цыпленку по-провансальски,

с которым уже почти расправилась Лукреция: он несколько недель наслаждался свободой, прежде чем угодил в сети.

– Зависть? Узковато.

– Я не против расширения. Давайте включим сюда все эмоции, с которыми ни за что не совладать: зависть, жажду мести, вообще злобу. Так и озаглавим эту категорию: злоба. Это будет посильнее долга. Долг – желание нравиться другим, интегрироваться в общество, а злоба разжигает революции, побуждает менять общество.

– Она же может подтолкнуть к убийству.

Журналистка торопливо, боясь забыть, записывает изображение собеседника.

– В общем, – говорит Лукреция, – расследование принесло кое-какие результаты. Я признаю, что вы правы, подозревая смерть не по естественным причинам, я же нашла убийцу и его мотив. Действуя вместе, мы, кажется, побили рекорд по скорости раскрытия преступления. Дело в шляпе.

Она поднимает бокал, чтобы чокнуться, но Исидор сидит истуканом.

– Ну, и кто из нас мифоман – я или вы? – бормочет он.

Она окидывает его презрительным взглядом:

– Зависть... А ведь вы тоже завистник. Я моложе вас, я женщина, тем не менее решение нашла я, не правда ли, мистер Шерлок Холмс?

Оба доедают свои блюда. Исидор подбирает хлебом соус из тарелки, Лукреция кончиком ножа отделяет то, что хочет

съесть, от того, что отвергает. Останки цыпленка накрываются лавровой веточкой.

Люди вокруг обсуждают представление.

Наконец-то нашлась тема для оживленной беседы. По всем столикам пролегла глубокая трещина: одни верят в гипноз, другие нет, и все твердо стоят на своем. «Это подставные лица, – раздаются голоса. – Сплошное притворство!» «Нет, девушка выглядела искренней». «Нет, она переигрывала».

Официант предлагает десертное меню. Лукреция заказывает большую чашку кофе без кофеина и чайничек горячей воды, Исидор – мороженое с лакрицей.

– Вы выдвинули гипотезу, только и всего.

– А вы завистник.

– Хорошо, что вы не служите в полиции. Чтобы закрыть дело, мало выдвинуть гипотезу, даже самую привлекательную. Нужны улики, доказательства, показания свидетелей, признания.

– Ну, так допросим Паскаля Финчера! – восклицает Лукреция.

Она просит счет, платит и просит владельца ночного клуба проводить их к гипнотизеру. Они трижды стучат в дверь с табличкой «мэтр Паскаль Финчер». Дверь распахивается, гипнотизер выскакивает из примерной и выбегает из ночного клуба прямо в мокром халате. За ним бежит троица военных во главе с недавним испытуемым.

– Синяя магнолия! – бросает Лукреция, словно надеясь, что эта фраза остановит возглавляющего погоню солдата. Но беглецы уже слишком далеко.

20

Жизнь или смерть?

Жан-Луи Мартен старался не закрывать глаз. В голове толклись тысячи мыслей, и он пока не мог принять решение. У него было ощущение нехватки информации. Он не сомневался, что уничтожен, но этот врач как будто знал, что делает.

Доводы «за» и «против» лежали на чашах его мысленных весов равными горками, отчего стрелка безостановочно моталась туда-сюда.

Жизнь? На внутреннем экране появлялись сотни диапозитивов с приятными моментами его прошлого. Семейные каникулы в детстве. Знакомство с шахматами. Знакомство с живописью. Знакомство с Изабелль. Знакомство с рабочим кабинетом в банке. Свадьба. Первые роды у жены. Первые каникулы с дочерьми. Первый просмотр программы «Пан или пропал».

Пан или пропал...

Или смерть? Он увидел себя одиноким, неподвижно лежащим на койке и снимаемым во всех ракурсах. Ход времени – сначала на циферблате часов со все быстрее вращаю-

щейся стрелкой. Потом вид из окна. Солнце сменялось лунной, луна солнцем. Чередование ускорялось, пока светила не слились в одно яркое пятно. Дерево за окном палаты одевалось листвой, облетало, покрывалось снегом, почками, снова листьями. Шли годы, десятилетия, а он все валялся, как пластмассовый манекен, на койке, и глаз его в отчаянии мигал, когда рядом никого не было...

Пришло время выбирать.

Веко опустилось, как в замедленном кино.

Один раз.

Всего один.

Сэмюэл Финчер улыбнулся:

– Итак, вы хотите жить... Думаю, вы приняли правильное решение.

Если только я не ошибся.

21

Влево, вправо? Исидор и Лукреция выбегают на перекресток. Военные скрылись из виду. Они высматривают их, приложив ладони козырьком ко лбу.

– Куда все запропастились?

Объевшийся Исидор дышит шумно, с трудом. Легонькая Лукреция забирается на крышу автомобиля, чтобы дальше видеть.

– Туда! – говорит она, указывая в сторону пляжа.

– За ними, Лукреция! Вы бегаєте быстрее. Я вас догоню. Она уже не слышит, перейдя на галоп.

Сердце ускоренно гонит кровь по артериям и дальше по артериолам, по капиллярам мышц в ее икрах. Пальцы ног ищут наилучшего соприкосновения с асфальтом, пружинисто бросая тело вперед.

Паскаль Финчер тоже мчится, насколько хватает сил. Впереди безлюдный пляж, слабо озаряемый луной. Там трое военных хватают его и швыряют на землю.

– Синяя магнолия! – кричит гипнотизер, почти не веря в успех.

Но недавний подопытный затыкает уши.

– Выковырай это у меня из башки! – приказывает он. – Живее! Не собираюсь всю жизнь придуриваться с башмаком в руке, лишь только встречу кого-нибудь, видевшего представление или слышавшего о нем!

Гипнотизер выпрямляется:

– Перестаньте затыкать уши. Сейчас я все исправлю.

– Только чтоб без подвоха!

Бедняга вынимает пальцы из ушей, но готов при малейшем подозрении снова превратиться в глухого.

– Абракадабра, я освобождаю вас от «синей магнолии», с этого момента, – он взмахивает рукой, – вы перестаете реагировать, слыша слова «синяя... магнолия».

Удивленный военный ждет, как будто у него в голове должен ударить колокол.

– Валяй! Повтори, посмотрим, получилось или нет, – просит он.

– Синяя магнолия.

Ничего не происходит. Парень улыбается, довольный извращению от порчи.

– Так просто? – удивляется он.

– Это как жесткий диск компьютера. Исполнение записанной на него команды можно запаролить. Если пароль стереть, команда перестает работать, – пытается объяснить гипнотизер безнадежным тоном исследователя, обращающегося к дикарю.

– А абракадабра причем? – следует недоверчивый вопрос.

– Это несерьезно, людям проще поверить, когда звучат такие словеса. Все происходит в голове.

Парень злобно смотрит на него:

– Годится. Но я хочу, чтобы ты больше ни над кем не измывался.

Сказав это, бывший испытуемый засучивает рукава и сжимает кулаки.

Два его друга хватают артиста, недавняя жертва готовится нанести тому удар в живот. Но тут под луной возникает силуэт.

– Молодцы, три верзилы против человека, неспособного дать сдачи! – произносит со смехом Лукреция Немрод.

Военный оборачивается:

– Осторожно, дамочка, время позднее, прогуливаться од-

ной опасно. Тут неподалеку ошиваются странноватые типы.
Гипнотизер получает удар в солнечное сплетение.

– Спи, я приказываю!

Лукреция отважно подбегает и наносит солдату жестокий пинок в промежность.

– Голос, я приказываю!

Парень издает сдавленный крик. Его товарищ выпускает гипнотизера, чтобы не дать упасть недавнему испытуемому.

Лукреция принимает стойку по правилам собственного боевого искусства «интернат-квондо»: тело продлевают два скрюченных пальца, оскал мышинных резцов. Третий военный пытается нанести удар ногой, но она хватается его за ногу и швыряет на спину. Потом прыгает на него, и они начинают кататься по пляжу, окатываемые брызгами волн. Пальцы-крючки громко и больно бьют противника в лоб. Первый забияка, успевший очухаться, снова получает удар в пострадавшее место. Она снова стоит в боевой стойке, скрючив железные пальцы. Третий побаивается вмешиваться. Наконец, вся троица ретируется.

Лукреция подходит к гипнотизеру, стоящему на коленях на песке.

– Как вы?

Он растирает живот.

– Неизбежные профессиональные осложнения. Проявление расизма, направленного против гипнотизеров.

– Что за экзотический расизм?

– Люди, знакомые с тайнами мозга, всегда вызывали страх. Их обвиняли во всех грехах: верующие – в колдовстве, ученые – в шарлатанстве, в мыслительных манипуляциях. Люди боятся всего, что недоступно их пониманию. А того, кого боишься, хочется уничтожить.

Лукреция поддерживает мужчину, проверяя, может ли он идти.

– Чего они боятся?

Паскаль улыбается разбитым ртом.

– Гипноз будит воображение. Нас принимают за волшебников. Так или иначе, спасибо, что вмешались.

– Я перед вами в долгу. Теперь я больше не боюсь джемперов с узким воротом.

Она натягивает на голову свитер, показывая, как осмелела.

Появляется запыхавшийся Исидор.

– Ну что, Лукреция, вы поймали своего убийцу? – спрашивает он с иронией.

Взгляд-выстрел ее изумрудных глаз заставляет его прикусить язык.

Гипнотизер вглядывается в него, недоумевая, кто это.

– Исидор Каценберг. Мы журналисты из «Геттёр Модерн», расследуем смерть вашего брата.

– Сэмми?..

– По мнению Лукреции, его убили вы, из зависти, – уточняет Исидор.

При упоминании брата взгляд гипнотизера делается печальным.

– Сэмми... Ах, Сэмми! Мы были очень близки. У братьев так бывает нечасто, но нам повезло. Он был сама серьезность, не то что я, балаганный паяц. Мы дополняли друг друга. Помню, однажды он сказал: «Мы с тобой как Иисус Христос и фокусник Симон – известный иллюзионист, друг Иисуса».

Паскаль Финчер делает паузу, чтобы еще раз потрогать разбитую губу.

– Это шутка только наполовину. Я восхищался братом.

– Что вы делали в вечер его смерти? – возвращает его к реальности Лукреция.

– Выступал на сцене в «Веселой сове», можете спросить владельца. Свидетелей целый зал.

– Кто мог желать ему зла? – спрашивает Исидор.

Все трое садятся на холодный мокрый песок.

– Его успех был слишком оглушительным. К тому же победа над Deer Blue принесла брату широкую известность, он стал неприкасаемым. Во Франции на популярность всегда смотрят косо.

– Торчащий гвоздь – приманка для молотка, – подхватывает охочий до поговорок Исидор.

– Как вы думаете, его могли убить? – спрашивает Лукреция.

– Я знаю о поступавших угрозах. Рад, что вы занялись за-

гадкой его смерти.

Лукреция не торопится отказываться от своей версии.

– Мог кто-нибудь другой – не вы – загипнотизировать его ради отложенного эффекта?

Паскаль Финчер удрученно мотает головой:

– Я разбираюсь в гипнозе. Чтобы подпасть под гипнотическое влияние, надо хотя бы раз отказаться от самоконтроля и предоставить другому решать за вас. Каким бы ни был Сэмми, влияниям он подвержен не был. Он ни от кого не зависел. Его целью было уменьшить страдания пациентов. Мирской святой!

– Между прочим, ваш мирской святой, по официальной версии, умер от удовольствия в объятиях топ-модели, – напоминает Лукреция.

Паскаль Финчер пожимает плечами:

– Мог ли хоть один мужчина ответить ей отказом? Ее внешность сильнее любого гипнотического сеанса.

– Один мой знакомый утверждает: «Мужская свобода воли состоит в выборе женщины, которая будет решать за него», – говорит Лукреция.

Исидор, узнав собственный афоризм, краснеет.

– Метко сказано! – одобряет Паскаль Финчер.

– Думаете, она могла его убить? – спрашивает журналист.

– Не знаю, кто или что именно его убило, но могу сказать, что он пал жертвой собственной отваги. Брат в одиночку выходил на бой со всеми архаизмами. Он предлагал полностью

пересмотреть наш подход к уму, к безумию, к сознанию. В речи после победы в шахматном матче он упомянул Одиссея, но и сам он походил на такого рода искателя приключений. Истинных первооткрывателей узнаешь по летящим в них стрелам, потому что они забегают далеко вперед.

Исидор достает пакетик *Betises de Combrai* и грызет ириску, чтобы справиться с эмоциями. Гипнотизер тянется к его лакомству и зачерпывает целую горсть.

– Вспоминаю, как он говорил, что ощущает опасность. «Они мечтают о мире, где все люди были бы одинаковыми. Таких можно было легко расставить по ранжиру, как клонированный скот или как бройлерную птицу». Под «ними» он подразумевал администрацию, которой подчинялся. «Они боятся тех, кого считают безумцами, – добавлял он, – но еще больше их пугают те, кого они принимают за гениев. Будущее видится им миром единообразия, где слишком умным придется носить наушники с громкой музыкой, мешающей спокойно думать. На красавиц они натягивают чадру, на слишком бойких – свинцовые жилеты. Все мы будем одинаковыми – средними людьми».

Паскаль Финчер смотрит на Средиземное море и указывает на светящееся пятнышко вдали. Это могла быть звезда, если бы не излишняя яркость.

– Там... На острове происходят странные события. Уверен, точно так же, как я сталкиваюсь с противниками гипноза, он противостоял...

– Вы это о ком?

– О его коллегах. О больных. О санитарях. Обо всех противниках новизны. Вам надо туда.

Все трое смотрят на манящую светящуюся точку.

– Проблема в том, что в психиатрическую больницу просто так не попадешь, – произносит Исидор, глядя на остров, где при свете луны начинает вырисовываться игрушечный частокол деревьев.

Паскаль Финчер проверяет кончиком языка сохранность зубов.

– Умберто! У Умберто катер-такси, плавающий из порта Канн на остров Святой Маргариты. Он бывает по пятницам на сеансах коллективного расслабляющего гипноза. Скажите ему, что вы от меня.

Гипнотизер тяжело вздыхает и, щурясь, смотрит на остров вдаль как на врага, которого надо сокрушить.

22

На мониторе компьютера появился мозг Жан-Луи Мартена в разрезе.

Чтобы определить размер повреждений, доктор Финчер сделал пострадавшему позитронную эмиссионную томографию. Благодаря этой новейшей технологии он теперь видел, что внутри черепа Мартена функционирует, а что нет. Мозг выглядел на экране бирюзовым овалом.

Внутреннее море, в котором плавают мысли...

Сэмюэл Финчер попросил Мартена зажмурить глаз. Весь мозг приобрел равномерную голубую окраску. Он попросил открыть глаз, и в затылочной доле, напротив глаза, появилось бежевое пятно. Остров в море.

Сэмюэл Финчер показал пациенту рисунок – яблоко. Бежевый остров немного увеличился и приобрел сложные очертания.

Потом он продемонстрировал почтовую открытку с полным подробностей изображением Канн, и бежевое пятно стало еще больше. Зрение и восприятие визуального внешнего мира работали. Таким же способом он проверил слух: включил запись звона колокольчика. В вынесенной вперед теменной зоне появился другой, удлинённый островок. Ответом на симфоническую музыку стал целый архипелаг, без пяти минут Индонезия.

Проверка других органов чувств подтвердила их отключение. Уколы иглой, лимонный сок на языке, уксус под носом не приводили к появлению островов.

Доктор Финчер проверил способность к пониманию. Он произнес «яблоко», и бежевое пятно приняло ту же форму, как при виде настоящего яблока.

Одно из последних открытий, сделанных благодаря эмиссионной позитронной томографии, состояло в том, что мысли о чем-то и созерцание того же самого приводят к активности одних и тех же участков мозга.

Доктор Финчер стал формулировать простые понятия: «дождливое утро», «облачное небо». Потом перешел к абстракциям: «надежда», «счастье», «свобода». Каждый раз появлялся остров или группа островов – свидетельства работы тех или иных участков мозга Жан-Луи Мартена.

В конце сеанса Сэмюэл Финчер решил проверить, как у пациента с юмором. Он считал юмор барометром качественного и количественного здоровья мозга, точным пульсом сознания. Центр смеха был впервые найден в марте 2000 года Ицхаком Фридом, искавшим причины эпилепсии и наткнувшимся в левой лобной доле, за участком, ответственным за речь, на точку веселья.

– В райском саду Ева спрашивает Адама: «Ты меня любишь?» – «У меня есть выбор?» – отвечает Адам.

Глаз задрожал. Доктор Сэмюэл Финчер просмотрел в замедленном режиме траекторию анекдота в мозгу пациента. Сигнал двигался из зоны слуха в зону речи, а потом исчезал.

Это не вызывает у него смеха. Возможно, это напоминает ему о проблематике выбора собственного существования. А то и о жене, подумал врач.

Тогда он попробовал другой коротенький анекдот, не такой личный:

– Пациент приходит к врачу и говорит: «Доктор, у меня провалы в памяти». – «И давно?» – «Что «давно»? – удивленно спрашивает пациент.

Глаз задрожал уже по-другому.

Для очистки совести Сэмюэл Финчер проследил в замедленном режиме траекторию сигнала, вызванного анекдотом. В синем море – на срезе мозга, в зоне анализа и понимания, появлялись и исчезали островки. Сигнал исчез в левой лобной доле, в зоне веселья.

Теперь он смеется. Существует 32 комических эффекта, говорил Бергсон. Один я нашел. Его смешит ситуация, когда кто-то болен не тем, чем он.

Профессор Ицхак Фрид выяснил, что после анекдота активизируется еще один участок – в нижней части предлобной коры, как при вознаграждении. Происходит это спустя несколько микросекунд после конца вспышки в зоне веселья.

Это доказывает, что юмор воспринимается как признак приятности.

Глаз продолжал вибрировать, то увеличиваясь, то сокращаясь.

Взрыв внутреннего смеха.

Эффект оказался продолжительным.

Сэмюэлу Финчеру нравился этот анекдот, но он не ожидал, что из-за него в аффективной зоне вырастет такое крупное бежевое пятно. Юмор – явление субъективное, решил он. Желание вызвать смех в определенном месте, в определенный момент удесятерит эффект.

Тут-то, наверное, доктор Сэмюэл Финчер и завоевал полное доверие пациента. Но тот не почувствовал дружеского

хлопка по плечу.

– Ваш мозг работает отлично.

Здоровое мышление – при полной атрофии тела... Но здоровое!

– Хотите, я вызову ваших близких?

23

– И речи быть не может. Не настаивайте. – Здоровенный бородач в фуражке с надписью «КАПИТАН УМБЕРТО» энергично мотает головой. – Нет, не могу. Катер предназначен только для пациентов, врачей, родственников больных. На остров Святой Маргариты еще не ступала нога журналиста. У меня строжайшие инструкции.

– Меня прислал Паскаль Финчер, – нажимает Исидор, первым примчавшийся в порт Канн.

– Это ничего не меняет.

Упрямец чувствует свою правоту.

– Куда же обратиться, чтобы попасть на остров?

– Мне очень жаль, но регистратура находится там же, в больнице. Туда стараются не пускать посторонних. Попробуйте им написать.

Исидор Каценберг подходит к катеру и меняет тему:

– Ваш катер называется «Харон». В греческой мифологии так зовут лодочника, перевозящего умерших через Ахерон, в подземное царство мертвых.

– Это плавсредство – способ попасть не только из мира живых в мир мертвых, но и из мира разума в мир помешательства.

Исидор шепчет на ухо моряку:

– Сдается мне, мифический Харон сажал в свою лодку только тех, кто держал во рту плату за перевоз.

Толстяк берет в зубы три купюры в десять евро.

Капитан Умберто видит деньги, но остается непреклонен:

– Я не продаюсь.

К ним подбегает Лукреция, поправляющая рыжую гриву.

– Я не очень опоздала? Плыдем? – спрашивает она, не сомневаясь в ответе.

Моряк превращается в соляной столб. Исидор не может не отметить, как действует его спутница на мужчин.

– Тут такое дело... – бормочет столб, – я объяснял вашему коллеге, что, к сожалению...

– К сожалению? – повторяет она, подходя ближе.

В такой близости он чувствует ее духи – сегодня это Иссей Мияке. К аромату парфюма примешивается запах молодой женской кожи. Она снимает темные очки и с вызовом смотрит на перевозчика изумрудными миндалевидными глазами.

– Вы же помогаете людям. Мы нуждаемся в вашей помощи и уверены, что вы не подведете.

Она правильно смотрит на него, говорит нужным тоном, даже изгиб ее шеи убедителен.

Суровый морской волк сражен наповал.

– Только потому, что вы – друзья Паскаля Финчера, – уступает он.

Взывает мотор, капитан отдает швартовы.

– Месье подтверждает силу потребности номер семь, – шепчет Лукреция, подмигивая своему сообщнику.

Моряк, желая произвести впечатление на пассажиров, извлекает из мотора львиный рык, нос катера приподнимается.

Лукреция берет блокнот и добавляет к шестой мотивации – злости, седьмую – сексуальность.

Исидор достает из куртки маленький, не больше книги, карманный компьютер и заносит в него список, добавляя имена людей, которых они встречали. Затем он заходит в интернет.

Лукреция заглядывает ему через плечо:

– В прошлую нашу встречу, у вас на водокачке, мне показалось, что вы отказались от телевизора, телефона и компьютера.

– Только идиоты не меняют своего мнения.

Он хвастается своей игрушкой и демонстрирует ее возможности. Он загружает из интернета личное досье социального страхования Умберто Росси, 54-го года, родом из Гольф-Жуан.

На горизонте вырисовываются оба острова Лерен: впереди остров Сент-Маргерит с пристанью и фортом, позади Сент-Онора с цистерцианским аббатством.

«Харон» плывет лениво, путешествие из каннского порта

в больницу Святой Маргариты никак не кончается.

Умберто посасывает огромную пенковую трубку, покрытую резными обнимающимися сиренами.

– В смешном мире мы живем! У людей есть все для счастья, но они не умеют пользоваться свободой, потому и задают вопросы, все больше вопросов. Из вопросов сплетаются узлы, которых не распутать.

Он раскуривает трубку и выдыхает густой пахучий дым, смешивающийся с йодистым морским духом.

– Встретил я однажды типа, утверждавшего, что может не думать. Он был монахом секты дзен. Сидел истуканом, вот так щуря глаза, якобы с полной пустотой в голове. Я попробовал – где там! Вечно что-нибудь лезет в башку. Хотя бы мысль: «Наконец-то я перестал думать».

Он хохочет.

– Почему вы перестали работать нейрохирургом в больнице Святой Маргариты? – ошарашивает моряка вопросом Исидор.

Тот едва не роняет трубку за борт.

– Как... Как вы узнали?

– По движению мизинца, – загадочно отвечает журналист.

Лукреция не жалеет, что взяла с собой этого «Шерлока Холмса от науки». Как все фокусники, он не раскрывает свою хитрость, довольный произведенным впечатлением. Он понимает, что, признавшись, что выудил эту информацию из глубин интернета, перестанет вызывать восхищение.

– Вас уволили, да?

– Нет, все дело в... Это была случайность.

Взор моряка затуманивается.

– Несчастный случай... Я оперировал свою мать, у нее была злокачественная опухоль мозга.

– Обычно оперировать близких родственников запрещено, – демонстрирует осведомленность Исидор.

Умберто приходит в себя:

– Так и есть. Но что было делать, раз она заявила: или я, или никто.

Умберто сплевывает в море.

– Не знаю, что произошло... Она впала в кому и больше из нее не вышла.

Бывший хирург, а ныне моряк, снова сплевывает.

– Мозг очень чувствителен, малейшая оплошность чревата катастрофой. Не то что с другими органами, там ошибки исправимы. Когда оперируешь на мозге, отклонение на миллиметр может превратить пациента в инвалида или в одержимого.

Капитан выбивает трубку о край руля, освобождая ее от прокаленного табака, и снова набивает.

Раскурить ее на ветру никак не удастся, сколько он ни щелкает зажигалкой.

– После этого я запил. Покатился под откос. С таким дрожанием рук уже нельзя было браться за скальпель. Поэтому я уволился. Хирурга с тремором не вылечить. Так бывший

нейрохирург оказался среди пьяниц-клошаров.

Они смотрят на увеличивающийся на горизонте остров Сент-Маргерит. Там растут не только приморские сосны, но и пальмы с эвкалиптами; климат в этой части Лазурного Берега мягкий, почти как в Африке.

– Скорее бы роботы заменили в операционных людей! У них, по крайней мере, рука не дрогнет. Похоже, роботы-хирурги уже получают широкое распространение.

– Вы правда бродяжничали? – спрашивает Лукреция.

– От меня все отвернулись, никто не желал со мной знать-ся. Я стал пованивать, но мне не было до этого никакого дела. Жил себе на каннском пляже, лежал под одеялом и в ус не дул. Все мое барахло помещалось в пакете из супермаркета, который я прятал под деревом на Круазет. Говорят, нищенствовать лучше под солнцем. Как бы не так!

Катер понемногу сбавляет ход.

– И вот в один прекрасный день подходит ко мне некто из больницы Святой Маргариты и говорит: «У меня есть предложение. Как насчет челночных рейсов между больницей и портом Канн? Сейчас мы прибегаем к услугам чужой компании, но нам удобнее было бы обзавестись собственным катером. Сможешь плавать на катере между Сент-Маргерит и портом?» Так бывший нейрохирург заделался моряком.

Лукреция записывает в блокнот дату.

– Расскажите нам, что происходит внутри психиатрической больницы Святой Маргариты?

Моряк недовольно смотрит вдаль. Морские ветры пригнали черные тучи, вокруг катера носятся чайки, словно желая указать путь. Он поправляет свою куртку морского волка, хмурит густые брови. Потом его взгляд падает на рыжую зеленоглазую журналистку, и он отбрасывает сомнения, покоренный ее свежестью:

– Раньше это был форт, крепость Сент-Маргерит. Ее построил сам Вобан для защиты берега от набегов берберов. Крепость имеет характерную для фортификаций тех времен форму звезды. Крепость превратили в тюрьму, в ней томился узник Железная Маска. Потом там снимали телевизионные игры. В конце концов крепость стала психбольницей.

Он сплевывает себе под ноги.

– Солдаты, заключенные, телевизионщики, психи – логичная эволюция, разве нет?

Умберто снова раскачивает катер громовым смехом. Килевая качка на волнах не в пример сильнее.

– Эту больницу решили превратить в образцовую. Реформу возглавил доктор Сэмюэл Финчер. Больница Святой Маргариты, сначала помещавшаяся в стенах крепости, расползлась на весь остров.

Средиземное море расшатывает катер с каждой секундой все сильнее.

– Мы считаем, что Финчера убили, – делится с рассказчиком Исидор.

– Кто, по-вашему, мог убить Финчера? – подхватывает

Лукреция.

– Только не кто-то в самой больнице. Все его любили.

Остров уже рядом, видны высокие стены форта.

– Финчер, Финчер, да хранит Господь его душу! Я не ска-
зал вам, что это он подошел с предложением ко мне, кло-
шару. – Умберто Росси пододвигается к молодой журналист-
ке: – Если это действительно убийство, то вы, надеюсь, най-
дете виновного.

Внезапно на катер обрушивается огромная волна. Лукре-
ция чудом не вылетает за борт, Умберто с бранью цепляется
за руль. Ветер швыряет катер с утроенной силой.

– Прodelки Эола! – кричит Умберто.

– Эол? – переспрашивает Лукреция.

– Бог ветров. Помните «Одиссею»?

– Да, еще самого Одиссея, он же Улисс.

– Финчер не переставал цитировать отрывки оттуда. – И
Умберто декламирует Гомера: – «Мех открывают, и рвутся
наружу ветра, буря их тотчас хватает, чтоб вдаль унести».

Море лютует, катер раскачивается, взлетает на гребни
волн, падает вниз.

Внутреннее ухо Лукреции чутко реагирует на перегруз-
ку. За его улиткой помещается орган, улавливающий дви-
жения, – утрикулус. Это мешочек с желеобразной жидко-
стью, эндолимфой, в которой плавают маленькие слуховые
камешки. Его внутренняя стенка покрыта ресничками. При
килевой качке утрикулус, прочно закрепленный в черепе,

наклоняется в одну сторону. Эндолимфа и слуховые камешки остаются неподвижными, как не двигается жидкость в наклоняемой бутылке. Реснички на дне утрикулуса сгибаются эндолимфой и подают сигнал о положении тела в пространстве. При этом глаза передают другую информацию, сочетание двух этих противоречивых сигналов и приводит к ощущению укачивания, провоцируя рвоту.

Лукрецию выворачивает наизнанку, Исидора тоже.

– Ужасное ощущение! – стонет она.

– По степени невыносимости на первом месте стоит зубная боль, дальше идут почечные колики, боль при родах и морская болезнь.

У Лукреции мертвенно синее лицо.

– «Но Посейдон был доволен, буре в краях отдаленных он дал разгуляться, волны ж Афина смирила, дабы спасти Одиссея», – декламирует моряк.

Но море не думает стихать.

Лукреция находит силы, чтобы приподнять голову и взглянуть на огромную мрачную крепость – больницу Святой Маргариты.

24

Пришли все: его жена Изабелль, дочери, пес Лукулл, друг Бертран Мулино, несколько коллег из банка.

Видя, что у Жан-Луи Мартена течет слюна, Сэмюэл Фин-

чер аккуратно вытер ему рот платком, а потом впустил посетителей.

– Он слышит левым ухом и видит правым глазом, но не в состоянии ни говорить, ни шевелиться. Говорите с ним, трогайте его за руку, возможен эмоциональный отклик, – сказал он.

Старый пес Лукулл, немецкая овчарка, возглавивший процессию, торопливо лизнул хозяину руку. Это инстинктивное проявление любви разрядило обстановку.

Лукулл. Мой Лукулл.

Дочери кинулись обнимать и целовать отца.

Как я рад вас видеть! Мои дорогие. Мои обожаемые малышки.

– Как ты себя чувствуешь, папа?

Я не могу говорить. Прочтите ответ в моем глазу. Я вас люблю. Я рад, что выбрал жизнь, потому что мне дарован этот миг, счастье видеть вас.

– Папа, папа, ответь!

– Врач предупредил, что он не может разговаривать, – напомнила дочерям Изабелль, целуя мужа в щеку. – Не волнуйся, дорогой, мы здесь. Мы тебя не бросим.

Я знал, что могу на вас рассчитывать. Никогда в этом не сомневался.

Бертран Мулино и другие коллеги с работы показали принесенные подарки и гостинцы: цветы, шоколад, апельсины, книги. Никто толком не понял, что на самом деле означает

этот «синдром внутреннего замыкания». Они воображали, что это травма, после которой наступит выздоровление, как бывает обычно.

Жан-Луи Мартен старался выразительнее смотреть зрячим глазом. Ему очень хотелось их ободрить, передать радость от встречи с ними.

Лицо у меня, наверное, как посмертная маска... Попад сюда, я ни разу не смотрел в зеркало. Подозреваю, я бледный, синюшный, осунувшийся. Урод, чего там. Улыбнуться, и то не могу.

Изабель перепутала его уши и зашептала в то, которое не слышало:

– Я так рада, что ты... – поколебавшись, она договорила: – ...что ты живой.

Доктор Финчер предупредил вас, что я слышу левым ухом, но оно левое для меня, а для вас правое...

На счастье, рабочее ухо стало гораздо более чутким, и, даже когда шептали в другое, он улавливал звуки.

Бертран зачастил в то же самое ухо:

– Все мы ужасно рады, что ты выпутался, в банке ожидают твоего возвращения. Лично я жду не дождусь новой партии в шахматы, так что скорее выздоравливай. Отдохни хорошенько, не ловчи, не пытайся выписаться раньше времени.

Ничего не выйдет, как ни старайся.

Бертран, не уверенный, что понят, изобразил жестом ход

шахматной фигурой и дружески похлопал друга по плечу.

Жан-Луи Мартен немного успокоился. Его заботило одно – чтобы его не забыли.

Друзья, выходит, я для вас еще существую. Для меня крайне важно это знать.

– Знаю, ты поправишься, – произнесла Изабель для его мертвого уха.

– Да, папа, поскорее возвращайся домой, – хором попросили три дочери над тем же самым ухом.

– Думаю, ты попал к лучшим неврологам Европы, – сказал Бертран. – Тот, который нас впустил, – в очках, с высоким лбом, – видать, специалист что надо.

Доктор Финчер уже вернулся и дал понять посетителям, что больному вредно переутомляться и что на сегодня довольно. Он предложил им вернуться на следующий день и пообещал, что водное такси заберет их в 11 часов.

Нет, пусть побудут еще. Мне необходимо их присутствие.

– В общем, скорее поправляйся, – сказал на прощанье Бертран.

Финчер подмигнул больному, глядя в его зрячий глаз.

– У вас хорошая семья. Bravo, месье Мартен.

«Запертый человек» медленно опустил веко в знак согласия и благодарности.

– Ваше ухо и ваш глаз – это плацдармы, с которых я начну завоевывать всю вашу нервную территорию. Это возможно.

В тоне доктора Финчера звучала небывалая уверенность.

– Все зависит от вас. Вы – исследователь. Вы распахи-
ваете неведомые земли – собственный мозг. Это Эльдора-
до третьего тысячелетия. После завоевания космического
пространства человеку остается взяться за свой мозг, самую
сложную структуру во всей вселенной. Мы, ученые, наблю-
даем его снаружи, а вы займетесь экспериментами изнутри.

Жан-Луи Мартену очень хотелось в это верить. Хотелось
быть исследователем, находящимся на острие людского по-
знания. Хотелось стать героем современности.

– Вы можете добиться успеха при наличии мотивации.
Мотивация – ключ ко всем поступкам. Я постоянно прове-
ряю это на пациентах, а также на лабораторных мышах, по-
этому могу вас заверить: захотеть – значит суметь.

25

Капитан Умберто снимает чехол с инфракрасного пере-
датчика с крылышками-антеннами, и «Харон» входит в уз-
кий канал, ведущий к пристани, примостившейся под кре-
постью, у основания скалы. Там они причаливают к деревян-
ному настилу.

– Буду ждать вас здесь.

На прощанье он берет руку Лукреции, гладит ее и целует,
а потом кладет на ладонь какой-то легкий предмет.

Оказывается, это сигаретная пачка.

– Я бросила курить, – говорит она.

– Берите, это будет ваш волшебный ключик.

Лукреция пожимает плечами и прячет пачку. Она с облегчением ступает на твердую землю. Ее вестибулярный аппарат еще не отошел от штормового шока, в ногах дрожь.

Исидор помогает ей выпрямиться.

– Дышите глубже.

Умберто открывает тяжелую железную дверь и пропускает их внутрь здания, потом с лязгом задвигает наружный засов. Им трудно совладать с внутренней дрожью: психиатрическая больница вызывает у обоих страх.

«Я не сумасшедшая», – думает Лукреция.

«Я не сумасшедший», – думает Исидор.

Два поворота дверного запора. «Вдруг придется доказывать, что я не безумец?» – в страхе думает Исидор.

Журналисты поднимают глаза. В скалу вделаны и закреплены раствором грубые камни-ступеньки. Она начинают карабкаться вверх.

Подъем дается нелегко.

Наверху им преграждает путь дородный человек с узкой короткой бородкой, в грубом шерстяном свитере, похожий на школьного учителя.

– Что вам здесь надо? – спрашивает он, подбоченившись.

– Мы журналисты, – объясняет Лукреция.

Поколебавшись, человек отвечает:

– Я доктор Робер.

Он ведет их к крутой лестнице, по которой они поднимаются на открытую площадку.

– Я могу устроить вам небольшую экскурсию, только прошу соблюдать осторожность и тишину и не мешать больным.

Вот они и в сердце больницы, на лужайке, среди гуляющих и беседующих людей в городской одежде. До них доносятся обрывки разговора:

– Я – параноик? Нет, так не пойдет, обо мне распускают лживые слухи...

Некоторые читают газеты или играют в шахматы. На площадке играют в футбол, раздается стук волана о бадминтонные ракетки.

– Знаю, с непривычки все это может показаться странным. Финчер запретил больным разгуливать в пижамах, санитарам и врачам пришлось снять синие халаты. Так он засыпал ров между персоналом и пациентами.

– Разве это не напрягает? – удивляется Исидор.

– Сначала у меня самого была путаница в голове. Что ж, это обостряет внимание. Доктор Финчер перевелся к нам из парижской клиники «Отель-Дье». Он работал с доктором Анри Гривуа, внедрившим во Франции методы канадской психиатрии.

Доктор Робер ведет их к корпусу с надписью «Сальвадор Дали» над дверью.

Стены внутри не побелены, как принято в больницах, а расписаны от пола до потолка красочными фресками.

– Финчер пытался внушить каждому больному, что изъяз можно преобразовать в достоинство. Он хотел, чтобы они, смирившись со своей мнимой слабостью, превратили ее в плюс для себя. Все помещения здесь – дань памяти художника, добившегося успеха именно своей непохожестью на всех остальных.

Палата «Сальвадор Дали» встречает их не произведениями на мотивы художника, а тщательными репродукциями самых известных его полотен.

Доктор Робер ведет журналистов в другой корпус.

– Это для параноиков: Мориц Корнелис Эшер.

Стены расписаны невероятными геометрическими фигурами.

– Прямо музей, а не больница. Потрясающая настенная живопись. Кто все это нарисовал?

– Чтобы добиться такого соответствия оригиналу, мы пригласили маньяка из корпуса «Ван Гог». Уверяю вас, вы не найдете никаких расхождений. Совсем как Ван Гог, искавший совершенный желтый цвет и нарисовавший тысячи подсолнухов с разными оттенками желтизны, чтобы достигнуть желаемого эффекта, здешние больные способны долго искать правильный цвет. Они упертые перфекционисты.

Экскурсия продолжается.

– Это для шизофреников: фламандский живописец Иероним Босх. Шизофреники очень чуткие. Они улавливают все волны, все вибрации, это доставляет им страдания, и это же

делает их гениальными.

Они возвращаются во двор и идут среди пациентов, слыша от большинства из них вежливые приветствия. Некоторые громко беседуют с воображаемыми собеседниками.

– Ведь что беспокоит? – принимается объяснять доктор Робер. – Нас занимает одно и то же, отличен только размах интереса. Взгляните сюда: у него фобия волн, испускаемых мобильными телефонами, поэтому он не снимает мотоциклетный шлем. Скажите, разве не всех нас тревожит их потенциальный вред?

Бригада маньяков заканчивает работу над фреской. Доктор Робер доволен их работой.

– Финчер во все внес новизну, в том числе в труд. Он наблюдал за больными, как никто до него. Со смирением. Без предубеждения. Он не считал, что нужно обуздывать их разрушительные порывы, их способность мешать окружающим. Он старался использовать во благо и усилить их лучшие качества. Для этого он демонстрировал им самое прекрасное, что создало человечество: живопись, музыку, кино, компьютеры. И предоставлял возможность творить. Естественно, они выбирали искусство, выражающее их тревогу, озабоченность, говорящее их языком. Он не запирал людей под замок, а наблюдал за ними. Он говорил не об их изъятиях, а о красоте вообще. Неудивительно, что в некоторых проснулась тяга к творчеству.

– Так просто?

– Нет, очень сложно. Параноики не выносят шизофреников и презирают истериков. Те платят им тем же. Но в искусстве они обрели некую нейтральную территорию, то, чего им не хватало. Финчер любил повторять: «Когда вас в чем-то упрекают, разглядите в этом то, что может стать вашей сильной стороной».

К ним подбегает пожилая дама и торопливо наклоняется к циферблату часов журналистки.

Та замечает, что старушка сама при часах. Но она так дрожит, что не в состоянии рассмотреть на них время.

– Шестнадцать двадцать, – подсказывает ей Лукреция.

Но старушка уже спешит в другую сторону. Доктор Роберт тихо объясняет:

– Болезнь Паркинсона. На первых порах ее лечат допамином. В этой клинике занимаются не только душевными недугами, но и всеми нарушениями нервной системы: Альцгеймером, эпилепсией, Паркинсоном.

Какой-то больной, подойдя к ним, морщится и размахивает линейкой.

– А это что такое? – спрашивает Исидор.

– Измеритель боли. Нечто вроде термометра, показывающего боль. Когда больной говорит, что ему плохо, бывает нелегко понять, пора ли давать ему морфий. Поэтому их попросили градуировать степень недуга на шкале от одного до двадцати. Получается субъективный показатель боли.

Двое рабочих вешают мемориальную доску в память о

Финчере. На ней красуется его девиз: «Для человека с мотивацией не существует преград».

Больные собираются, чтобы полюбоваться доской. Некоторые сильно взволнованы. Человек десять хлопают в ладоши.

– Все здесь в нем души не чаяли, – продолжает рассказ экскурсовод. – Когда Финчер сражался с Deer Blue IV, в главном дворе установили большой телеэкран. Вы бы это видели! Обстановка была как на футбольном матче. Все орали: «Давай, Сэмми! Сэмми, давай!» Они называли его только по имени.

Доктор Робер открывает дверь корпуса под названием «Лабораторный питомник», где громоздятся этажами сотни клеток с мышами.

– Вам это интересно?

Лукреция присматривается к мышам. У большинства бритый череп, из которого торчат электроды.

– Это подопытные животные. Мы провоцируем у них приступы эпилепсии, а потом наблюдаем воздействие медикаментов. Финчер был не только директором больницы, он оставался ученым. Вместе с сотрудниками он опробовал новые научные направления.

Мышам любопытно, кто это к ним пожаловал, они нюхают гостей через решетки.

– Такое впечатление, что они хотят что-то сообщить, – бормочет себе под нос Лукреция.

– Умственное развитие у этих мышей выше среднего. Их родители были цирковыми мышами, их с рождения приучали не сопротивляться опытам. Потом мы сажаем их в клетки с лабиринтами и игрушками, чтобы убедиться, что произошло с их интеллектом.

Журналисты смотрят на драку двух мышей, молотящих друг дружку крохотными лапками. У одной мордочка разбита в кровь.

– Как, по-вашему, здесь у него могли быть недруги? – спрашивает Лукреция.

– Наркоманы. Они – единственные, кто отказывается соблюдать правила игры. Им на все и на всех плевать, в том числе на Финчера. Им случалось поднимать на него руку. На них не действуют увещевания. Они на все готовы, лишь бы получить хотя бы немного своей проклятой дури.

– Даже на убийство?

Доктор Робер скребет подбородок.

– Методы Финчера отвергали только они. В конце концов он пришел к мысли, что самым упрямым из них здесь не место.

– Как вы себе представляете нападение наркомана на Финчера? – задает вопрос Исидор.

– Например, добавление в пищу вещества с замедленным действием, – отвечает доктор Робер.

– Судмедэксперты не нашли в организме никакой отравы.

– Некоторые вещества нельзя обнаружить. У нас в хими-

ческой лаборатории имеются весьма хитроумные составы, действующие и исчезающие очень быстро.

Лукреция задумывается о новом следе – заговоре наркоманов, прибегших к яду, не оставляющему следов.

– Можно нам побывать в кабинете Финчера?

– Нет, нельзя.

Исидор догадывается достать из кармана своей спутницы пачку сигарет и протянуть ее доктору Роберу. Тот поспешно берет сигарету.

– Сюда запрещено это проносить, но запрета покурить тайком еще не издали. Беда в том, что мы здесь ночуем и редко получаем возможность отлучиться за покупками на Большую землю. Благодарю.

Он закуривает и блаженно жмурится, поспешно втягивает дым, чтобы побыстрее накачаться никотином.

– Психбольница без сигарет – странное явление, – замечает Исидор. – Я бывал в других подобных заведениях, так там дымят все до одного...

– По-моему, Финчер курил, когда играл с Deer Blue IV, – подсказывает Лукреция.

– Исключение, подтверждающее правило. Во время матча нервное напряжение слишком велико, вот он и не выдержал.

Лукреция хватает блокнот и торопливо строчит: «Восьмая мотивация – табак?»

Исидор, глядя ей через плечо, шепотом подсказывает:

– Нет, берите шире: табак, алкоголь, наркотики. Веще-

ства, вызывающие привыкание. На пятом месте у нас, помнится, долг, потом идут злость, сексуальность, и вот теперь номер восемь – дурманные средства.

Доктор Робер счастлив, он усиленно отравляет себя. Но дым сигареты уловлен детектором, звучит тревога. Ему приходится поскорее затушить окурок.

Старуха, страдающая болезнью Паркинсона, появляется в сопровождении двоих здоровяков, и те берут доктора Робера под белые руки. Тот жадно втягивает остатки дыма.

– Что, Робер, опять твои проделки?

Окурок летит на землю. Старуха разглядывает журналистов.

– Как я погляжу, наш Робер обвел вас вокруг пальца. Ох уж этот умник! Наверняка прикинулся врачом. По профессии он и правда врач, что не мешает ему быть больным. Одно никогда не мешает другому. У Робера множественное сознание. Вы получили хороший урок: никогда не верьте видимости и званиям.

Она жестом велит больному удалиться, что тот и делает со сконфуженным видом. Старуха поворачивается к Лукреции и Исидору:

– Вы не из наших. Кто вы такие, что здесь делаете?

Они не сразу соображают, что их одурачили.

– Мы журналисты, – бормочет наконец Лукреция.

Женщина выходит из себя:

– Что?! Журналисты?! Только вас здесь не хватало! Не

иначе это Умберто вас приволок! Он дождется! Еще раз впустит сюда чужаков – получит расчет!

– Можно задать один вопрос?

– Очень жаль, но у нас нет времени. Это больница. Не мешайте работать.

Она торопливо уходит, и санитар провожает их к пристани.

В этот момент Исидор говорит себе, что лучше никогда не сходить с ума, но если все-таки не повезет, то хорошо бы попасть в руки такому врачу, как Финчер.

26

Доктор Финчер регулярно навещался к Жан-Луи Мартену, но у него хватало и других больных.

Сначала главной поддержкой для Жан-Луи Мартена были родные. Бертран Мулино и другие коллеги сменяли друг друга у его изголовья, развлекая товарища беседой. Пес Лукулл не отходил от его койки – хотел, наверное, защитить в случае внезапного нападения.

Коллеги знали, что он их видит и слышит. Сам Мартен поддерживал беседу: веко, опущенное один раз, означало «да», веко, опущенное дважды, – «нет».

Жена Изабель рассказала, что написала заявление в полицию: пусть найдут сбившего его лихача.

– Женщина, вышедшая в тот момент на балкон, запомни-

ла и передала полиции номер машины.

Глаз Жан-Луи вспыхнул.

– Увы, оказалось, что автомобиль был взят напрокат на вымышленное имя.

А потом визиты друзей стали реже.

Жан-Луи Мартен заставлял себя верить во все объяснения, которые слышал. Первым, кто дал откровенно понять, что утратил к нему интерес, был Лукулл. Он мог не оправдываться, достаточно было перестать лизать хозяйскую руку и начать отворачиваться, больше не опознавая неподвижную массу под одеялом, которую все еще выдавали за его хозяина. Хозяин, который не кормит, не бросает палку, чтобы он ее принес, не глядящий свою собаку? Пес не видел больше проку в ревностной службе такому «хозяину».

Потом от вахты отказались коллеги по работе. По сбивчивым речам друга Бертрана Жан-Луи Мартен понял, что на его место в банке взяли другого сотрудника.

У самого Бертрана тоже опустились руки.

Дольше всех держалась семья. Дочери говорили о возвращении домой, о выздоровлении, о возможности перевода в специальную больницу. А потом Изабель вдруг удивилась:

– Тебя перевели в другую палату?!

Он уронил веко. Финчер переселил его в более просторное помещение, чтобы он мог спокойнее общаться с родными.

– В этой палате нет окна! – возмутилась младшая дочь

Сюзанн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.